

КИРИЛЛ ШАРЯТОВ

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ПОЧТИ ЧЕЛОВЕК

Кирилл Шарапов

Почти человек

Серия «Играй музыкант!», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69498424

SelfPub; 2023

Аннотация

Что нас ждет после смерти? Некоторые считают – ничего, некоторые верят в ад и рай. А может, твою душу, поскольку она уникальная, подберет сверхмогущественная цивилизация, запихнет в искусственную оболочку, даст в напарники не слишком разговорчивый ИИ и отправит на чужую планету, погибшую в результате магического апокалипсиса... И крутись ты там, как хочешь. В награду предлагают гражданство вселенной – будешь богат и знатен. Вот только задача крайне сложная, если вообще выполнимая.

Содержание

Глава третья	38
Глава четвертая	58
Глава пятая	76
Глава шестая	94
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Кирилл Шарапов

Почти человек

Почти человек

Деньги – кровь войны,
наемники – те еще кровососы,
но Родине скидка.

(К. Шарапов)

Глава первая

Свет... Золотистый свет, слепящий и не дающий ничего вокруг себя увидеть, ни теплый, ни холодный, вообще никакой...

Павел, не сказать, чтобы был сильно верующим, но в рай и ад верил, вот только он как-то по-другому себе все это представлял. Хотя, не жгут, вилами не тычут, и на том спасибо. Светлое ничто можно было охарактеризовать только одним словом – скучно, и если это надолго, то он сильно попал.

– Ты нужен, – раздался неожиданно из окружавшего его света голос.

– Кому? – озадачился Головин.

– Нам, – последовал довольно глупый ответ.

– Я тоже умею быть упрямым, – хмыкнул Павел. – Нам – это кому?

– Мы – древняя раса. На твоём языке наше название можно перевести как «Изначальные».

– И какое я к вам имею отношение? – удивился Головин, уже прекрасно понимая, что это ни хрена не рай, и его подписывают на какую-то мутную работенку, которую сами выполнить не могут, или не хотят.

– История мира очень стара, гораздо старше, чем ты можешь себе представить. Галактика велика, да и не одна. Только населённых миров насчитывается около трехсот тысяч. Но твой мир такие задворки, что мы там были всего пару раз и пролетом, для нас и наших потомков, расселившихся и переставших быть Изначальными, там нет ничего интересного. Мы покопались в твоём разуме, человек, и если привести аналогию с понятными тебе образами, то ваша Земля – покосившийся нужник в заброшенном селе в тысячах километрах от ближайшего города.

– Хрена себе задворки, – восхитился образности собеседника Павел. – И зачем я вам понадобился? Я вообще-то умер.

– Все есть круг перерождения, – бесстрастно прокомментировал его слова голос. – И судьбами душ, как вы, земляне, это называете, ведаем мы, Изначальные. У тебя есть выбор.

– О, уже неплохо, – обрадовался Головин.

– Не перебивай, человек, – потребовал собеседник, – удерживать твою сущность вне хранилища очень тяжело. Итак, у тебя есть выбор. Ты можешь отправиться в хранили-

ще, пребывать там, пока о тебе не вспомнят. Но поскольку ты с периферийной, не развитой, планеты, то твоя наследственная память может и не понадобиться никогда, тебя ждет вечность в пустоте, где, можно так выразиться, ты будешь в щелочку смотреть что-то вроде вашего телевизора.

– Скучно, я человек действия, – вклинился Головин в возникшую паузу. – А что такое наследственная память?

– Вечное развитие, – ответил голос, – но она у вас, землян, слабая. Да и что вам передавать? Что твой предок был солдатом? Что и его предок был солдатом? Что все твои воевали? Хотя это тоже наука, правда, так, как вы, воюют только примитивы. В остальных мирах такие знания не котируются, так что, твоя сущность с наследственной информацией мало кого интересует. – Он на секунду замолчал, потом продолжил. – Мы наблюдали за тобой всю твою жизнь, короткую жизнь. Вы, люди, вообще живете коротко, быстро, но ярко. Удивительный вид получился, идеальный хищник. Но это не то, что ценится в остальных мирах. И я это уже говорил. То, что ты называешь Землей, не колонизировалось специально, вы побочный продукт одного эксперимента, крайне неудачного. Ну, какой есть. Вообще думали, вас нет уже, а лет сто назад засекали сигналы, и решили заглянуть.

– Вот сейчас обидно стало, – высказался Павел, до своей смерти боец ЧВК Вагнер, носящий позывной Ухо. – Реально обидно.

– Не обижайся, такое редко, но бывает. У тебя есть шанс

увидеть, насколько велика вселенная, но для этого, как вы, люди, говорите, сослужи нам службу.

– Сначала объясни, почему я? Кстати, как тебя называть?

– Зови Саакс. А почему ты? Так случилось, что ты уникален, мы насчитали всего двоих таких среди всех землян, а в остальной вселенной вообще таких нет. Второй человек, хоть и подходит нам, но не справится с задачей, просто не сможет, у него отсутствуют какие-либо полезные навыки. А ты воин, ты выживал в разных местах вашей планеты, ты можешь справиться.

– Интересно, с чем я могу справиться, с чем вы не можете, включая триста тысяч миров?

– Ну, что ж ты такой нетерпеливый, – укорил его Саакс, – я же все по порядку излагаю. Есть планета, мы не знали о ее существовании, мы открыли ее совсем недавно, всего сто двадцать три года назад. Земля заурядна и интереса не представляет ни ресурсами, ни обитателями, да и загадили вы ее порядочно. А вот тот, другой, мир нам очень интересен. Во-первых, ни мы, ни наши потомки, не могут туда попасть, эту планету защищает какое-то поле, а во-вторых, там произошла глобальная катастрофа непонятного нам свойства, это случилось почти тридцать лет назад. Большинство жителей погибло. Иногда наша станция слежения, спрятанная на орбите, засекает разумных, которые бродят по руинам, но не сказать, чтобы их очень много – да, десятки тысяч, но, по сравнению с тем, что было, это как крохотная песчинка. –

Голос замолчал, ожидая вопроса.

Но Павел помалкивал. Он уже понял, что от него хотят, и размышлял, что делать. Как и сказал Саакс, выбор имеется – спокойно ждать своего часа на перерождение в каком-то стакане, смотря телек, если образно, или ему же предлагают как-то попасть на эту планету, и что им там нужно?

– Человек, для меня твои мысли не секрет, – неожиданно заявил голос. – Будем считать, что ты спросил. Да, мы хотим высадить тебя на планету. Мы предлагаем тебе тело, искусственно созданное, усовершенствованное, с кое-каким функционалом, вполне себе человеческое, поскольку внешне аборигены этой планеты никак от тебя и большинства обитателей вселенной, за редким исключением, не отличаются. Две руки, две ноги, голова, органы размножения. Срок жизни элемента питания – пять лет, после этого оболочка погибнет, столько же продлится твой контракт. Поскольку через этот экран, что защищает тот мир, не способно пройти ничего, кроме плоти, тебя отправят туда голым, без каких-либо вещей, оружия. У тебя будут кое-какие уникальные умения. Твоя задача – изучать тот мир. Он построен совершенно на иных принципах, чем твой, родной, и даже мы за сотни тысяч лет не встречали ничего подобного. Но основная задача – выяснить, как работает защита, и по возможности ее снять, или хотя бы узнать о ней побольше. Если не удастся, мы отключим твое тело, и ты покинешь планету точно таким же способом, как попал сюда. Но если ты

думаешь, что мы будем тебя воскрешать каждый день, когда тебе не повезет, не рассчитывай, изготовление подобного тела занимает, даже с нашими возможностями, двадцать два года по вашему земному летоисчислению. Оно уникально и создано исключительно, чтобы преодолеть барьер. Сейчас у нас есть два, еще два будут готовы в течение трех лет.

– Что я получу? – поинтересовался Павел.

Что ж, тут все просто, он был наемником, его нанимали, поставили задачу. Обрисовали, что будет в случае отказа от невыполнимой миссии, теперь настал черед послушать про «пряники».

– Нас интересует результат. Мы рассчитываем на новые знания и успех миссии. Если не выйдет в первый заход, будет второй и третий, и так, пока не удастся достигнуть результата. Ты, человек из далекого мира, даже не подозреваешь, какие ресурсы мы затратили на этот проект.

– А если не выйдет? Я что, так и буду туда мотаться, пока не найду, как вам пройти барьер? – поинтересовался Павел, он уже видел ловушку, и очень не хотел туда угодить.

– Да, – ответил Саакс. – Но когда ты выполнишь задание, ты получишь новую жизнь, тело на одной из планет второго класса развития. Не высший статус, но тебе понравится – почет, уважение, власть. Поверь, тебе там будет комфортно, ты станешь полноценным гражданином и сам увидишь, насколько велика вселенная.

– Заманчиво, но я пас. Так можно вечность менять обо-

лочки, но так и не достичь результата. Вдруг этот щит, или что там такое, вообще нельзя снять? Кто решит, что я достойно выполнил долг, меняя шестидесятую оболочку, облизав всю планету и сунув нос в каждую щель? По вашему договору я буду работать бесконечно, выполняя невыполнимое задание за возможность где-то поселиться. Да у гастарбайтеров в Москве условия лучше. Это вечная кабала. Тебе понятен данный термин?

– Да, я понимаю все, что ты говоришь, и мне ясны твои размышления, – ответил Саакс и задумался.

Головин тоже молчал, даже размышлять было особо не о чем, так, мурлыкал себе под нос популярную песенку, дабы не давать собеседнику копаться у себя в голове.

– Справедливо, – наконец, произнес голос. – Я принял решение. Срок твоей активной службы – двадцать лет. Четыре оболочки. И даже, если не удастся решить главный вопрос, ты получишь обещанное. Но в этом случае, ты получишь жизнь на планете третьего класса. Ниже только четвертый, они чем-то похожи на твою родину, заштатные мирки. Третий – это все равно несоизмеримый уровень, ты даже не можешь осознать, насколько щедрое мое предложение.

– Двадцать лет службы, потом новая жизнь в богатстве, власти и почете?

– Если результат нас устроит, – поправил Саакс. – Если твои данные и вправду будут важны.

– А если... – начал Павел, но не успел досказать мысль.

– Мне незачем тебя обманывать. Да, решать, что важно, а что нет, буду я, но все мной обещанное мне не будет стоить ничего, достаточно подумать, и ты это получишь. Так что, да, чем больше ты принесешь в проект, тем лучше будут обещанные мной условия. Ведь ты был солдатом-наемником, воевал за деньги, теперь будешь жить и трудиться ради мечты. Но мы что-то затянули этот разговор, я уже знаю, что ты согласен. Тебе осталось оформить это в четкую мысль, что и станет подписью под нашим соглашением.

– Я согласен, – мысленно произнес Павел Александрович Головин, боец группы Вагнера, получивший второй шанс, и он не собирался его упускать, в любом случае, это все же лучше, чем сидеть в стакане и ждать, а вдруг повезет. А так двадцать лет, и все, он свободен.

– Прощай, Павел, – раздался голос в золотом свете. – Скоро тебя доставят на станцию возле планеты, которую мы называли Эксиола, что значит на нашем языке, самом древнем во вселенной, «Сокрытая». Там ты получишь оболочку. У тебя будет некоторое время, чтобы освоиться с ней, ее возможностями и функциями под присмотром наших специалистов. После краткого курса тебя переправят на планету, дальше сам. Что потребуется делать и как, тебе расскажут специалисты.

– Саакс, один вопрос, хотя ты уже наверняка знаешь, какой.

– Конечно, – согласился голос. – Твой мир даже не знает,

что существует ментальная блокада. Я, можно сказать, правитель одной из ветви народа Изначальных. Если говорить терминами, к которым ты привык, я министр науки. Мне примерно около миллиона лет, фактически бессмертный, я просто меняю тело, родовая память возвращается, и я продолжаю труд своей жизни, пока верховный правитель нашего народа не сочтет, что я недостойн занимать эту должность. А теперь тебе пора.

– Ну, бывай, Саккс, – подумал Головин. – Надеюсь, ты меня не обманул.

– Я не могу и не хочу тебя обманывать, – с укоризной произнес собеседник, голос его стал тише, словно он отошел подальше. – Как я уже сказал, знания бесценны, а то, что я тебе предложил, для меня ничего не значит. Прощай, человек с окраины вселенной.

Павел остался в одиночестве. Золотой свет вокруг, ни тепло, ни холодно, скука смертная. И так вечность... Нет, уж лучше и вправду всю жизнь на Саакса пахать, умирать, брать новое тело и снова спускаться на... Как он ее там назвал? Эксиола? А что, красиво звучит. Интересно, как на его языке звучит Земля? Наверное, тоже красиво, ведь не может Земля звучать плохо? Хотя, если честно, название для планеты так себе. Интересно, а как они людей называют? Наверняка даже названия нет, какой-нибудь длинный номер.

Сложно оценить время, находясь посреди ничего, хорошо хоть можно отключаться от мыслей и впадать в какой-то

транс, который отдаленно напоминает сон. Скука... Поэтому чужой голос, раздавшийся из света, Головин воспринял с оптимизмом.

– Объект, называющий себя Павлом, вы слышите меня?

– С кем имею честь? – мысленно поинтересовался Головин.

– Я начальник станции слежения, находящейся над планетой Эксиола. Можете звать меня Тираем.

– Хорошо. Значит, я прибыл? Когда начнем, а то мне тут жутко скучно.

– Прибыли, – заверил его собеседник. – И надо сказать, мы не ожидали, что Саакс пришлет вас на самом быстром курьерском корабле.

– Для меня это было не слишком быстро. Могли бы хоть какой-нибудь телевизор поставить.

– Сожалею, но это невозможно. То, что вы бы могли увидеть, повлияло бы на ваше восприятие мира, а сейчас это совершенно не нужно, это только усложнило бы вашу задачу. Чем меньше у вас будет новой информации, тем лучше. Тот мир отдаленно похож на ваш, и вам будет проще там освоиться без новой информации. Ведь от этого будет зависеть ваш успех. А насчет вашего вопроса, оболочка уже находится в капсуле, и очень скоро... Поскольку вам невозможно отследить время, примерно, досчитайте до трехсот вот с такими интервалами. Раз... Два... Три...

– Понятно, чуть больше секунды. Хорошо, начинаю от-

счет, – согласился Головин, – и вправду недолго. Раз... – мысленно произнес наемник. Потянулись секунды ожидания, – Триста восемнадцать...

Павел уже хотел послать мысль, что пора бы уже, как в этот момент почувствовал, как его тянет куда-то то ли вверх, то ли вниз.

А затем свет резко исчез, и одна пустота сменилась другой. Не успел он подумать, что что-то пошло не так, как из ниоткуда возникла светящаяся нить, не толще волоса, затем еще одна, и еще. Вскоре их стало столько, что он не мог сосчитать, да и сомнительно, что он представлял подобные цифры. Затем они резко рванулись к тому, что он ощущал собой. Хотя, что значит собой? У него же ничего не было – ни тела, ни зрения, только сущность, которая так понадобилась Изначальным. Нити, одна за другой, к чему-то присасывались, сходясь в определенной точке. Некоторые начинали светиться ярче, другие, наоборот, тускнели и исчезали, их место занимали новые.

– Начинаем сопряжение, – раздался голос, и на этот раз он был не повсюду, а пришел издалека, с одной стороны, допустим, это будет гипотетически справа, так что Павел услышал правым ухом чьи-то слова, и это дарило надежду.

– Какая примитивная, простейшая сущность, – брезгливо произнесла женщина, и это пришло с другой стороны, гипотетически слева.

– Пошла ты на хер, тоже мне, пуп галактики, – мысленно

послал ее Головин.

– Гилая, а он нас, похоже, уже слышит, – заявил Тирай, – во всяком случае, когда ты ляпнула про него гадость, его мысленный спектр стал коричневым. И тебя явно куда-то послали, – при этом мужчина весело хохотнул.

Женщина это никак не прокомментировала. Какое-то время они работали молча. Павел попытался пошевелиться, но даже пальцем двинуть не смог, зато, наконец-то, появилось обоняние, причем то, что он ощутил, заставило его слегка напрячься, раньше он не мог уловить такой спектр запахов, а теперь он ощущал целых шесть. Пахло какими-то цветами, очень приятный, ненавязчивый запах, еще немного потом, и снова не отталкивающий запах. А вот и что-то кислое, резкое. Остальные были едва уловимые – железо, какая-то резина, причем совсем близко.

– Обоняние активировано, – подтвердила Гилая. – Сейчас снижу параметры, а то он лучше, чем служебный дронг, натасканный на филк, все чувствует.

Через пару минут и вправду его обоняние пришло в норму, остался только цветочный запах, перемешавшийся с кислым, просто они были самыми мощными.

– Вот, уже лучше, – согласился Тирай, – а то и вправду как дронг.

– Согласна, сейчас зрением займусь, – отозвалась Гилая. Не прошло и пары минут, во всяком, так показалось Павлу по внутренним часам, как вместо темноты начали про-

ступать сначала световые пятна, затем они сменились серым светом. Еще через десяток секунд Головин начал различать какие-то массивные силуэты, наверняка оборудование. С каждой секундой зрение обретало четкость. И вправду, перед ним множество приборов – роботизированные руки, виртуальные дисплеи, и много всякого непонятного. Дальше, метрах в семи, стена стерильно белого цвета, столик, два кресла, дверь, широкая и наверняка раздвижная, несколько шкафов, с десятков не слишком ярких ламп под потолком. Выглядит все новеньким, в общем, приличная дорогая научная лаборатория. Сам он расположен вертикально, притянутый к какому-то ложу, но не ремнями. Если это высокоразвитая цивилизация, может, силовое поле? Головой и ничем другим он ворочать не мог. «Хорошо зафиксированный мужик в предварительных ласках не нуждается», – вспомнил он старую шутку и мысленно рассмеялся.

– Ооо, – протянул Тирай, – а сейчас его что-то развеселило.

Смотреть Ухо мог только прямо перед собой, а оба сотрудника находились с разных сторон и чуть позади него, так что, выяснить, как выглядят люди с далекого края вселенной, он не мог, хотя было очень интересно.

– А у него богатый спектр эмоций, – с удивлением прокомментировала Гилая, – у многих обитателей миров четвертого класса такого нет. Не такой уж он примитивный. Беру свои слова назад.

– Вот спасибо, – мысленно процедил Головин. – Королева изволила похвалить. Да пошла ты, очень мне нужно твое извинение.

– О, какой злой, – восхитился начальник станции. – Слушай, а мне начинает казаться, что это не такая уж и плохая идея. Может, и вправду справится? Выжить на Эксиоле непросто.

– Посмотрим, – буркнула помощница. – Так, зрение в порядке, слух и обоняние тоже. Сейчас начну подключать нервные окончания, двигательные функции и тактильные ощущения.

– Ты про речевой аппарат забыла, – напомнил начальник станции.

– Не забыла, я его последним подключу, иначе он нам работать не даст, будем бесконечно на глупые вопросы отвечать.

– Тоже верно.

– Сука, – мысленно прокомментировал Павел.

И тут же услышал смех Тирая.

Подключение всего перечисленного заняло примерно около двух часов. Где-то на середине этого срока Головин начал ощущать спиной поверхность, к которой был притянут. Она была теплой, слегка пружинила, а потом еще и начала покалывать.

– Так, все в норме, – довольно прокомментировала Гиляя. – Остались двигательные функции и речевой аппарат.

С этим она справилась примерно за час.

– Пошевели пальцами, – распорядился Тирай.

Головин выполнил просьбу, пальцы слегка покалывало, словно он руку отлежал. Но скоро это ощущение ушло.

– Работает, – радостно заявил он, и тут же замолчал, голос был не его, приятный такой, с небольшой хрипотцой. – О, как! – удивился он. – Непривычно, но сойдет.

– Благодарю, – обходя ложе Павла, произнес мужчина. – Давай знакомиться, я – Тирай Риок, начальник станции слежения за планетой Эксиола, что значит на древнем языке изначальных «Сокрытая».

– Павел Головин, позывной Ухо, – представился экс-вагнеровец.

– Мы знаем, – улыбнулся мужчина, изучая собеседника. Был он невысок, полноват, с заостренными ушами, как в некоторых фильмах про эльфов, желтые глаза, густые волосы пшеничного цвета. Стрижка была самой мерзкой из возможных – под горшок.

– Я отношусь к народу Эгол, мы третьи по древности жители населенной части вселенной и самая многочисленная. Можно считать нас внуками Изначальных, так тебе будет понятней.

– Понятно, – улыбнулся Павел. – А я дикарь-наемник с окраины вселенной, который вам очень понадобился, поскольку сами вы не можете сделать то, что требуется.

– Все верно, – ничуть не обидевшись и вполне искренне

улыбнувшись, ответил Тирай. – Вы мне очень нравитесь, Павел. Если я уберу энергетический захват, вы не будете делать глупостей?

– Не буду, – заверил его Головин со всевозможной искренностью. – В побег мне пока что рано.

– Ну, вот и хорошо, – обрадовался собеседник. – Гилая, переведи платформу в горизонтальное положение и убери захват.

Стенд, на котором был закреплен Павел, плавно опрокинулся назад и замер в метре от пола. Сдерживающее поле пропало, и бывший наемник медленно сел, бросив заинтересованный взгляд на женщину. Надо сказать, она ему не шибко понравилась. Видимо, Гилая прочла это у него на лице. Она с вызовом посмотрела на Павла.

– Не нравлюсь?

– На любителя, – честно признался наемник, ожидая чего-то большего.

Каланча в два метра, тощая, с тонкими сероватого цвета волосами, такими же, как у Тирая, желтыми глазами, отсутствующей грудью и задницей. Короче, все, что ему не нравилось, собрали в одном человеке.

Гилая зло стрельнула в него глазами, встала с кресла, которое парило над полом, и молча вышла.

– Зря вы так с ней, Павел, она хорошая, – развел руками Тирай. – Но в личной жизни не везет вот уже полторы сотни лет. Ладно, вас это не должно интересовать. Осталось по-

следнее – нужно проверить вашу память. – Он достал прибор, напоминающий девайс для измерения скорости у гаицов с голографическим экраном, и навел ему прямо на лоб. – Что вы помните до того, как попали в золотой свет?

Глава вторая

Павел вздохнул. Он не знал, сколько времени прошло с того момента, но произошедшее помнил, как будто это случилось только что...

Разрыв... Изломанное тело с размочаленными осколками ногами летит в соседнюю воронку. Ухо пришел в себя, лежа на спине, в голове шумело, в глазах плыло. Нащупав шприц-тюбик с противошоковым, он загнал себе иглу в бедро. Полегчало, мир перестал вращаться, мать ушла. Первое, что он увидел, это серое безрадостное зимнее небо Соледара. Порядком осточертевшее, оно снова было готово разразиться снегом с дождем. Павел Головин опустил глаза. Посекло его так, что без докторов ясно, он отсюда уже никуда не уйдет, и ноги были только частью того, что прилетело, еще минимум один осколок, разминувшийся с бронепластиной, вошел в спину. Земля под ним пропиталась кровью, и это за то короткое время, что он был в отключке.

– Ухо, Маяку, – раздался голос из чудом уцелевшей рации, – ты живой там?

– Не живой, пришел я, Маяк, и не вздумай за мной лезть, мне с пару минут осталось. А укры совсем рядом, за гаража-

ми, метрах в двадцати перекрикиваются. Скоро с Богом по-видаюсь, что-то передать?

– Не надо ничего передавать, – мрачно отозвался Маяк, – у нас с тобой, брат, Родина одна, а Боги разные. Прощай.

– Я нацикам подарок оставлю. Если повезет, прихвачу кого-то. Не вздумайте, если первые доберетесь, переворачивать. Все, давай, Маяк, – он сплюнул на измочаленный на груди броник кровавый сгусток, – некогда мне.

– Понял тебя, прощай, боец, – отозвалась рация и замолчала.

Над глубокой воронкой засвистели пули. Ухо перевернулось на грудь, автомат у него был в обвесах, жадные нацики точно поведутся. Устроив оружие так, чтобы из-под тела был виден дорогуший тепловизор, он левой, которая слушалась все хуже, начал по одной доставать гранаты, затем цеплять кольца за крюк на подвесной, рывок, засунуть гранату под себя, прижав рычаг телом и зацепив за ремень калаша, повторить. Укры, твари ученые, переворачивать не будут, вытащат автомат вместе с подарками. Пристроив гостинцы, прям как в анекдоте про пиндосов и инопланетян, где «штука неприятная, но хватит всем», Павел, чувствуя, как уходит из изорванного тела жизнь, последним движением сорвал патч Вагнера и сжал его в кулаке, шепнул: «Прощайте, мужики...». Тело слегка дернулось, и сознание погасло.

Павел Головин, позывной Ухо, умер. Его душа отделилась от тела и встала над истекающей кровью оболочкой. Никако-

го коридора, ничего. А укрыты были совсем рядом, троица самых наглых с шевронами иностранного легиона запрыгнули в воронку. Из-за гаражей их поддерживали не меньше пяти стволов, отгоняя отступающую группу.

– Руска курва, – скатившись в воронку и сплюнув на тело, заявил тот, что постарше, и, выставив автомат, дал пару коротких очередей наугад.

– О-па, тепляк, крутой, – заявил самый молодой из них, с явным с прибалтийским акцентом.

Ухо, стоящий призраком рядом, усмехнулся. Уже давно замечено, что укропы и прочий нацистский сброд, припершийся резать русских со всей Европы, предпочитают между собой разговаривать на великом и могучем, мовой, только если рядом ярые западенцы-бандерлоги, да и не знают они ее, так, могут три слова с трудом связать.

– Ну, давай же, тащи уже, – чувствуя, как его начинает тянуть в небо, прошептал Ухо, очень уж хотелось полюбоваться результатами своей работы.

И молодой словно его услышал, ухватился за цевье автомата и дернул на себя, выволакивая сразу тройку эфок. Хлопнули запалы, два дружка прибалта с ужасом обернулись. Немая сцена длилась с секунду. Они рванули вверх, но поскользнулись на склонах. Потом рвануло, и три окровавленных тела рухнули поверх него, устлав дно воронки.

– Бывайте, уроды, вас в аду заждались, и мне пора, – шепнул Ухо и ушел не в серую, а золотую небесную высь...

– Отлично, – произнес Тирай, но, перехватив мрачный взгляд Головина, поправился, – отлично то, что память не пострадала. То, что с вами случилось, конечно, ужасно. Давайте проверим те воспоминания, что поглубже. Например, припомните ваш день рождения за пять лет до вашей смерти.

Головин выпустил из легких воздух, передумав бить рожу пухляшу. Тот и вправду не хотел его задеть.

– Пять лет назад, говорите... – наморщил лоб Павел. – Это получается двадцать семь. Помню, это было в песочнице, – но, увидев непонимание со стороны Тирая, поправился, – так мы называли Сирию, страна такая. – Паша улыбнулся и процитировал:

«Где с тобой мы только не бывали -

Сирия, Мали и Мозабик.

Вот теперь под Бахмутом застряли»...

Он улыбнулся.

– Я – наемник, я географию хорошо знаю. Так вот, о днюхе... На базе справляли, мне тогда еще посылку с военным бортом закинули, там был домашний самогон из родной Воркуты, отец гнал, чистейший, как слеза, и башка не болит. Вот там мы под знойным солнцем и отмечали, даже шашлыки сделали.

– Шашлыки? – переспросил Тирай.

– Блюдо, ставшее национальным достоянием, – пояснил инопланетянину Головин, – маринованное в уксусе или в ви-

не мясо, зажаренное над раскаленными углями. Целый ритуал, при котором тот, кто жарит, ненавидит тех, кто уже пьет и лезет с советами. – Он усмехнулся. – Я любил жарить шашлыки. Никого не подпускал.

– Поделитесь рецептом? Я очень люблю покушать. У нас есть похожие блюда, но интересно было бы попробовать то, что готовят именно на вашей Земле.

– Напишу и объясню. Но как я умею, ты все равно не сделаешь. Как в анекдоте – «жалкое подобие левой руки».

– Что? – опять не въехал начальник станции.

– Забей, – со смехом отмахнулся Головин. – Есть у тебя еще вопросы?

– Давайте еще на пять лет назад, пусть будет какой-нибудь обычный день, но который стал особенным.

Паша наморщил лоб, улыбнулся и рассказал о покупке машины, ржавого ведра, под которым он дольше лежал, чем ездил.

– Слушай, любопытный, давай закончим, а? – попросил Головин. – Все я помню, причем всплыло то, что давно уже забыл. Не хочу ворошить прошлое, а то сейчас загрузу, и всем вокруг тошно станет.

– Ладно, давайте оставим память, – согласился Тирай. – Вижу, все работает, как надо. Оболочка отлично приняла сущность. Позже вернемся, попробую разбудить то, что давно было забыто, память рода, но это не сейчас. Вставляйте, я проведу пару тестов на физическое совмещение.

Ухо дисциплинированно спрыгнул со стола.

– Слушай, дохтур, а как бы мне на себя посмотреть? Вроде, глаза вниз опускаю, и ничего так, и мышца есть, и красиво, словно машина новенькая, а в комплексе, что вы мне за тушку дали, можно глянуть?

– Можно, – усмехнулся Тирай.

Он ткнул куда-то, и между ним и Головиным прямо в воздухе появилось что-то вроде полупрозрачного экрана, который через секунду отобразил новое тело Паши в полный рост.

– Удобно, – разглядывая себя в зеркало, задумчиво произнес Павел, и понял, что старый позывной никуда не годится. Тело было не его, и исчезла пара ушей-лопухов, одно из которых было ломанным, в честь чего и прогнали. Ладно, это потом можно обдумать. Не до того. Тело крепкое, на вид лет двадцать пять, отлично сложенное, сбоку рост отображается, только вот единицы измерения – какие-то значки-каракули. Хренотень инопланетная. Но стоило обратить на них внимание, как они тут же отобразились родными единицами – метр семьдесят восемь. «Что, блин, сложно было два сантиметра добрать? Пожадничали, господа инопланетяне», – промелькнула мысль. Ну да не до жиру. Естественно никаких шрамов, словно только с полки. Мускулатура на уровне, хотя нужных навыков наверняка нет. Сила есть, больше ничего нет, это плохо. Ну да поработать можно, опыт имеется. Да и непонятно пока, что зарабатывать. Саакс вроде гово-

рил, что мир необычный. Может, там его знания беготни с автоматом ровно ноль и ноль десятых. Ну да ладно, ему обещали ликбез, а сейчас тело: голова по форме вроде родной осталась, овальная, с мощной квадратной челюстью, только сама по себе поменьше, волосы вместо темных стали русыми, прическа – дежурный полубокс, в принципе нормально. А вот глаза вместо привычных черных сделали изумрудными и очень яркими, подобных на земле Головин не встречал. Он даже приблизился к экрану, вглядываясь в них.

– Черные глаза могут быть только у народа Огол, – вдруг произнес Тирай, – это пятая ветвь Изначальных. На Эксиоле нет темных оттенков глаз ни у кого. Ну, во всяком случае, мы не видели через нашу систему наблюдения с орбиты.

– Да нормально, понимаю, – отмахнулся Павел. Он поскреб небольшую щетину, которая придавала серьезности. Вроде лицо знакомое и одновременно чужое. – Сойдет, – вынес он вердикт. – Слушай, можно одежду какую-нибудь? Мне не холодно, да и не стесняюсь, просто как-то неудобно.

– Позже, Павел, – отрицательно качнул головой начальник станции.

Он мановением руки убрал зеркало, и открыл дверь в соседнее помещение, которое оказалось смесью исследовательского центра и спортзала.

– Давай посмотрим, как ты двигаешься, насколько вынослив, – начальник станции сделал приглашающий жест. – Нужно понять, как реагирует тело на нагрузки, этого у тебя

будет в избытке.

– Догадываюсь, что вы мне эту тушку дали, чтобы я не с девками в ванной валялся, хотя прибор, дай бог, я на свой не жаловался, но этот впечатляет.

– Бог? – озадачился Тирай, потом его взгляд на секунду расфокусировался, словно он смотрел в пустоту. – Великолечно, у вас, оказывается, есть такая вещь, как религия. Мы просто от этого пережитка давным-давно отказались. Да и учитывая расу Изначальных, мы прекрасно знали, кто нас всех создал. Хотя, теперь и ты знаешь.

– В общих чертах, – проходя в дверь, прокомментировал Головин.

– Потом, если интересно, я подробней расскажу. У нас не так много времени, скоро будет окно, следующего придется ждать долго, так что, у нас примерно около сорока двух звездных единиц. Если переводить на понятную тебе систему, это четыре дня.

– А до следующего? Может, лучше без спешки?

– До следующего почти двести сорок единиц. Это долго.

Да уж, торчать здесь месяц, не с руки. Надо и впрямь поторапливаться.

– Давай, начнем упражнения. Куда мне?

– Вон на ту черную площадку, – указал в центр комнаты Тирай. – Это универсальный тренажер. Я говорю, ты делаешь, сколько нужно.

Павел кивнул и вступил на платформу.

– Беги, – приказал начальник станции.

– Куда? – озадачился Головин.

– Это всесторонняя беговая дорожка, так что, беги, куда хочешь, пока не быстро, потом потихоньку ускоряйся.

И Павел побежал...

В каюту, которую ему выделили, он попал только через четыре часа. Его накормили, дали простой черный комбинезон. Он так вымотался на тестах, что едва на ногах держался, и почему-то очень хотелось спать. Он тут же стянул с себя одежду и что-то вроде мокасин, и, завалившись на узкую койку, мгновенно уснул без каких-либо сновидений.

Проснулся Павел потому, что в голове кто-то потребовал встать. Похоже, инопланетяне установили какой-то внутренний будильник. Как ни странно, он неплохо выспался, внутренний хронометр говорил, что Головин проспал шесть часов по времени станции. Что ж, Тирай честно предупредил, что разбудит пораньше, слишком много нужно успеть за оставшиеся дни – посмотреть архивные записи, как те, что были до момента гибели цивилизации планеты Эксиола, так и те, что снимали последние годы. А еще освоиться с новым телом и поработать мышцами в зале. Показатели он дал хорошие, но тельце нужно простимулировать, дабы реакцию улучшить, да отработать то, чем его снабдили создатели оболочки. Все же тушку ему дали для работы, она сама по себе – сложный биологический механизм.

Выбравшись из-под тонкого регулируемого одеяла, Павел

быстро заскочил в душ и смыл с себя пот. Почистив зубы какой-то хитрой штуковиной, он уже через десять минут бодро шагал по коридору внешнего кольца станции в сторону кают-компания, где автомат навалит ему еды. Да, оболочке нужно кушать, иначе та био-батарея, что питает ее, сдуется.

В крохотной кают-компания было всего четыре стола и пищевой автомат. А еще тут собрался весь экипаж станции – Тирай, его помощница Гилая и два сидящих за отдельным столом мельком видимых им вчера техников, Тор и его брат Тек, они относились к четвертому народу Егол. Крепкие, мускулистые, высокие, на голову выше даже длинной несуразной Гилай, и без ушей, что смотрелось дико на их лысых головах.

Павел кивнул всем сразу и, набрав несколько комбинаций, получил из автомата завтрак. Кормили тут синтетической едой, яйца вроде на вид обычные, только желток красноватого оттенка, что-то наподобие черных тостов и бодрящий горячий энергетик по цвету ближе к какао, не сказать, что очень вкусно, но вполне съедобно. Каждый день меню обновлялось, так что, жить и жрать можно. Усевшись за пустующий столик, Головин принялся за поглощение завтрака.

– Готовы к новому? – поинтересовался Тирай.

– Всегда готов, – вскинув руку к голове, шутканул Павел, вот только инопланетяне шутку не оценили, только смотрели с недоумением. Ну, да и хрен с ними, главное, что ему

самому понравилось.

День начался со спортзала. Звездный час, как для себя обозвал местные единицы измерения Головин, пролетел в работе. Поскольку он знал, что на планету он прибудет абсолютно голым, то значит, нужно заниматься физической культурой плотно, нарабатывать прежние навыки махания руками и ногами, хотя он ни разу не слышал, чтобы кто-то в современном бою сошелся с врагом в рукопашную, для этого, как в анекдоте, «нужно все пр...бать и найти точно такого же дол...еба». Но поскольку его закинут не обратно в Соледар, а значит, подзабытая и заброшенная давным-давно рукопашка может и пригодиться.

Отработав, он снова отправился в душ, мысленно ругая Саакса, не могли сделать тело не настолько аутентичным, вот потовые железы можно было бы и отключить.

Тирай ждал его в очередной лаборатории, на этот раз разделенной надвое прозрачной тонкой пленкой. Указав Головину на висящий в воздухе стул, он уселся напротив.

– Итак, начнем первую и одну из самых важных лекций. Твое тело.

– Да, мне что-то говорил Саакс, – кивнул Павел, – но я пока не заметил никаких отличий от старого.

– Отличия? Х-мм, – почему-то развеселился Тирай. – Видишь ли, твоё тело – одно большое отличие. Начнем с того, что твои ладони – это сканер объектов. Все, что ты возьмешь в руки, будет изучено, обработано и передано на станцию в

конце дня в виде информационного пакета. Никакой активации не требуется, за всю исследовательскую деятельность отвечает имплантат с ограниченным искусственным интеллектом. Ты тоже сможешь получить эти данные, но что это такое и как с этим обращаться, тебе придется разбираться самому, связь будет односторонняя.

– Не понял, это что еще за пассажир у меня? – в голосе Уха появились стальные нотки. – Про это разговора не было.

– А какой нам без ИИ с тебя толк? – возразил начальник станции. – Ну, найдешь ты камешек, повертишь в руках, положишь обратно, нам, что с этого? Как мы получим его анализ?

– Так пошлите туда тушку с искусственным интеллектом, я вам зачем?

– Вы, Павел, нужны как раз, чтобы он туда попал. Так вышло, что это поле убивает любой искусственный разум. Вы думаете, мы не пытались? Две такие оболочки были отправлены в разное время, они даже достигли планеты, но остались стоять столбами на месте приземления. Потом одного убил какой-то зверь, другая просто пропала в тумане, когда через несколько часов наступила ночь. Кстати, вот вам для размышления, скорость вращения планеты чуть ниже вашей родной, две звездные единицы, для вас это чуть больше суток по-старому будет день, и ровно столько же ночь. Восемнадцать часов света, восемнадцать тьмы.

– Привыкать придется, – вздохнул Головин.

– Что есть то есть, – пожал плечами Тирай. – И вот вам еще одна информация для размышления, аборигены, которых мы засекали, никогда не покидают ночью свои подземные убежища. Наша техника не смогла засечь ни одного. Вернее, не так, мы несколько раз засекали в ночи несколько групп, не успевших укрыться, все они погибли в течение одной ночи. Как? Мы не знаем.

– Зашибись, – прокомментировал новые данные по необычному миру Головин. – То есть, вы меня туда голышом, без точных данных... Вы не слишком большие надежды возлагаете на меня? Я к вам буду летать быстрее, чем вы мне оболочки выращивать.

Тирай пожал плечами.

– Я Сааксу точно так же сказал. Но он уверен, что вы справитесь. Ладно, про планету потом, давайте вернемся к вашему телу. Про сканер я уже сказал. С искусственным интеллектом, отвечающим за исследования, мы уже тоже все прояснили. Теперь по другим имплантатам. Далее универсальный переводчик, учти, мы не знаем, как звучит речь обитателей Эксиолы, поэтому поначалу он будет набирать базу, запоминать, а ИИ анализировать. Первые дни ожидаются сложными, но вскоре ты без труда начнешь их понимать. Слышать ты будешь, как меня, как свой родной русский язык. Термины, если таковые имелись в твоей родной речи, во всяком случае, большинство, будут адаптированы, имплантат соединен с голосовыми связками, и слова, кото-

рые ты произнесешь, для аборигенов зазвучат совершенно нормально. Давай попробуем.

Павел согласно кивнул, девайс очень полезный. Тирай задумался и произнес фразу со множеством шипящих, которая в голове наемника всплыла как простой вопрос:

– Хорошо себя чувствуешь?

– Ишшьь сарссся, – не задумываясь, ответил Головин.

– Отлично, – обрадовался начальник станции. – Это было сказано на моем родном языке народа Эгол. Давай, проверим другие.

Минут пятнадцать Тирай спрашивал, а Павел отвечал. Никаких проблем с пониманием вопросов и воспроизведением ответов не возникло.

– Закончим. Теперь дальше по имплантатам, – прекратил заниматься межгалактической лингвистикой Тирай. – Сначала медицина, она автоматическая, военная разработка, диагност и инъектор с запасом лекарств сама решит, что тебе нужно. Вот только плохо, что его надо переснаряжать каждый раз после рейда, или определенного времени. Думаю, вскоре она будет опустошена, но поначалу выручит очень здорово. Перейдем к относительно боевому. Твое единственное оружие, никаких лазеров из глаз, никаких молний из пальцев, тебе установили модуль телекинеза, так вроде вы, люди, называете возможности управления предметами силой мысли.

– То есть, я теперь смогу стакан взглядом поднять?

– Да, это, если очень грубо, ты сможешь поднимать силой мысли предметы, весящие не больше трехсот грамм в сумме на дистанции в три метра вокруг себя. И не только поднять, но и метнуть. Причем на приличное расстояние. Увеличение массы и дальность броска будут повышаться, этот имплантат, как мышца, его развить нужно.

– И сколько в идеале? – заинтересовался Головин.

– В идеале – бесконечно, – пожал плечами Тирай. – Предела никто не видел, это распространенный имплантат. Обычно от полусотни килограмм до двухсот, это у тех, кто не применяет его очень часто, радиус подъема – метров до десяти. Те, кому он нужен специально и часто используется, от пятисот кило до трех тонн. Рекордсменом является житель мира третьего класса, он способен поднимать до шести тонн на дистанции метров в двадцать.

– Понятно, – прикинув, что это действительно полезно, подвел итог Головин. – Что ж, значит, если потренирую, будет очень неплохим оружием, причем которое никто не увидит. А скорость?

– В понятных тебе единицах – 41 м/с. Но она тоже будет расти.

– Неплохо, не пуля, конечно, да и точность наверняка так себе, но все же это быстро. Потренироваться бы не помешало.

– Для этого мы здесь, но сначала закончим с твоим телом. По имплантатам все, больше ставить не решились по причи-

не, что будет сложно их прикрыть при прохождении барьера. Твоя оболочка адаптирована для выживания, кожа усилена нано-волокном, устойчивым на разрыв. Обычным стальным ножом ее не пробить, а пуля из пистолета, будь дело в твоём родном мире, застрянет. Испытания показали, что максимальное углубление примерно на сантиметр-полтора. Мышцы тоже усилены, сейчас ты без проблем сможешь поднять около двухсот килограммов, и довольно долго их нести. Причем, как и обычные, они будут прогрессировать. Предел – тонна, больше оболочка и скелет не выдержат. Кстати, о скелете, это не кость, это крепчайший пластик. Чтобы его сломать, нужно оказать давление не меньше тонны. Все способно регенерировать. Рана, если не убьёт, затянется. Но на мгновенный ремонт не рассчитывай. Я видел стандартные ранения от земного оружия, что вы используете, пулевое примерно зарастет дней за пять.

– Мне бы такое в последнем бою, хрен бы к вам попал, – прикинув новые возможности, прокомментировал Головин. – Ну да ладно, нечего сожалеть о прошлом. Кстати, забыл спросить, чисто теоретически, вы меня можете вернуть обратно на Землю?

– А зачем? – приподняв бровь, поинтересовался Тирай. – Когда вы закончите свою миссию, те, кого вы знали, уже умрут, сменится несколько поколений. Что вам с той Земли будет?

Павел прислушался к своим ощущениям, и вправду, а что

ему с Земли? Долгов он не оставил, даже Родине отдал кровью и потом, приближая победу. Семей не обзавелся, родителей точно не увидит, да и погиб он для них. Так, чего туда рваться? Нечего. А значит, эта страница перевернута, впереди только новое и неизведанное, что для него, человека беспокойного, не могущего усидеть на одном месте, крайне интересно.

– Ладно, Тирай, давай дальше, или по оболочке все?

– Не все, – покачал головой начальник станции. – Все жизненно важные органы прикрыты вплетенными в мышцы нано-волокнами. Так, чтобы добраться до твоего сердца, печени и почек и пробить их, потребуется приличное усилие.

– А зачем они мне вообще нужны? – задал он давно мучавший его вопрос.

– Ты ведь не андроид, обтянутый псевдо кожей, ты – почти человек, – терпеливо прояснил Тирай, – и функционируешь точно так же. Мы даже оставили тебе боль, хотя можно и убрать, но без боли ты не сможешь понять, что с тобой не так, и разучишься бояться. Мы уже проходили это. Ладно, дальше, – он задумался. – Скелет, органы, мышцы... Что, неужели про все рассказал? Ну, вчера ты уже выяснил, что твоя выносливость и скорость существенно возросли. Да, вроде все, – помечая в голографическом планшете пункты, подвел итог Тирай. – А теперь двигай вон в соседнюю секцию, буду учить тебя пользоваться телекинезом. Пройди прямо через защитный экран, там, видишь, на полу, обычный легкий ша-

рик, на нем будешь тренироваться.

Головин кивнул и прошел через полупрозрачную пелену. Обнаружив на полу небольшой шарик красного цвета размером с теннисный мячик, Павел его поднял, прикинул вес, тот был очень легким, грамм тридцать, не больше, материал напоминал поролон.

– Положи его перед собой, – начал инструктировать Тирай, – сядь рядом, не дальше метра, прикрой глаза, попробуй его нащупать мысленно, потом подними в воздух.

Головин уселся на пол, который слегка пружинил и напоминал какую-то прочную резину, и прикрыл глаза.

То, что для местных было обыденным, для него оказалось довольно сложным, но спустя час, он все же увидел мячик внутренним взором, и тот легко поднялся вверх на уровень глаз.

– Наконец-то! Ох, и трудно с тобой, – обрадовался Тирай. – Теперь удерживай его, пускай будет десять минут.

Павел кивнул и на мгновение отвлекся, и шарик тут же упал на пол. Но он уже понял, как и что, подхватил его и начал упражнение на концентрацию...

Глава третья

На узкую койку Павел просто падал. Весь день или как тут, на космической станции, это называется, он занимался физухой и тренировкой с шариком. С последним все складывалось так себе – поднимать мог, удерживать мог, а вот нормально отшвырнуть нет. Когда Головин отправлял его в полет, тот не напоминал пулю или стрелу, скорее удаляющийся в безветренную погоду воздушный шарик – медленно, неторопливо. А пересекая границу в три метра просто падал на пол. Но Тирай заверял, что это получится само собой. Кроме начальника станции Павел никого больше так и не увидел. Обедали и ужинали они вдвоем, причем Тираю было очень интересно послушать про жизнь и устройство дикого мира. Последний такой был найден лет триста назад, когда он был еще подростком и подобными вещами не интересовался. На вопросы же Головина о вселенной он отвечал скупой, не давая наемнику никакой информации, которая могла повлиять на его мировосприятие. Им важно, чтобы Павел попал на Эксиолу таким же, каким оставил родной мир. Но байки и полит информацию слушал охотно, для него война с соседним государством – варварство и пережиток. Да, в его мире войны тоже случались, колонии исправно поднимали бунты, но это были целиковые планеты, на которых единое правитель-

ство, население относилось к одному народу, и ресурсы принадлежали всей планете.

– Ну, ты же не дружишь со всеми своими соседями? – поинтересовался Павел. – Кому-то завидуешь, кто-то раздражает тебя своей позицией, ведь не могут быть все хорошими для всех. Вот так и у нас, наших соседей одни уроды из-за океана обманули и натравили на нас, пришлось упреждать удар, чтобы не стать историей. Да, там много разных факторов. Ладно, Тирай, мне этих споров еще дома хватило. Может, покажешь вашу звездную карту? Страсть, как интересно взглянуть на мир.

Тирай в очередной раз покачал головой.

– Не нужно вам этого, Павел. Как вы сегодня сказали, во многих знаниях – много печали, вы начнете думать о величине вселенной, о мирах и населяющих их народах, а вам нужно думать, как шарик оттолкнуть.

Головин отмахнулся, уже понял, что бесполезно, и даже по приборам, которые он видел в лабах, ему не дали никакой полезной информации. Так, название, да что примерно делает. Он пробовал смухлевать и использовать ИИ, но тот молчал и никак не реагировал.

Проснулся Павел опять по команде «вставай» в своей голове, все те же шесть часов сна. День повторился, только теперь добавились часы по изучению планеты, на которой ему предстояло действовать. Надо сказать, посмотреть было интересно. Сначала ему показали несколько записей, сделан-

ных в самом начале наблюдения, после того, как разведывательный катер достиг атмосферы и разбился о какой-то энергетический щит невероятной мощи. Дальше посылали только роботизированных наблюдателей. Экспериментировали с формой, с маскировкой, с размерами, результат остался таким же – даже дрон размером с иголку не смог проникнуть за барьер. Остался только вариант с визуальным наблюдением. И вот уже долгие годы крохотный экипаж станции висел на орбите и смотрел на Эксиолу. Сами аборигены в космос не стремились, хотя в воздушном пространстве летали довольно активно. Картинку системы наблюдения станции давали хорошую, можно было рассмотреть внешность конкретных людей, детали одежды. С виду – люди, как люди. Стиль одежды больше всего напоминал готический, или что-то вроде стимпанка, хотя, все же неверный термин, но Павел был не в состоянии выразить его точнее. Платья полуоткровенные, а иногда и совсем откровенные, жилетки, блузы, котелки и цилиндры, мужчины таскали с собой трости. Но при этом цивилизация в паре моментов обогнала мир Головина лет на сто – у них имелись летающие в паре метров над брусчаткой экипажи, причем довольно шустро, форму их можно было охарактеризовать стилем машин тридцатых годов – большие, блестящие. Какие-то существа, явно искусственного происхождения, выполняли различную работу. Больше всего они напоминали роботов, только выглядели как механические игрушки. Здания готические, со шпилями, баре-

льефами, колоннами. Старая, старая Англия. Но вот кое-что выбивалось из привычного – прямо над центром города метрах в ста висел объект, обода вокруг черного шара, который искрил молниями. На вопросительный взгляд Павла Тирай только пожал плечами, это могло означать только одно – тот был без понятия о том, что это такое.

Головин продолжил смотреть фильму. Внутри городов в транспорте жители Эксиолы не слишком нуждались, они возникали и исчезали на круглых, слегка светящихся площадках, которые он условно обозначил для себя как телепорты. И когда спросил об этом Тирая, тот подтвердил, что аборигенам известен секрет не совсем мгновенного перемещения в пространстве, и принцип его не такой, как использовали народы, населяющие вселенную. Поэтому этот мир так и заинтересовал Изначальных.

– Смотри сюда, – начальник станции указал на небольшую окраинную площадь довольно внушительного города, в котором, по прикидке Головина, жило с пяток миллионов людей. Он укрупнил картинку так, что люди стали видны совершенно отчетливо, словно снимали с коптера, висящего метрах в тридцати над землей.

Головин с интересом наблюдал за разворачивающимися событиями. Две группы людей, одетых в простую городскую одежду, вступили в схватку между собой. Надо сказать, это было познавательно. Поначалу все начиналось вполне прозаично – рукопашка, обычная уличная, дикая, без правил,

сadanуть коленом по яйцам, выдавить глаз, порвать рот, раздавить каблуком сапога кисть. Минуты две они так и бодались, потом в ход пошли различные сопутствующие предметы – биты, ножи, дубинки, кастеты. Почему сразу с этого не начали? Для Павла было загадкой.

– Ничего интересного, обычное дело для моего мира, – откинувшись на третьей минуте на удобную мягкую спинку парящего кресла, прокомментировал действие Головин. – Думаю, выиграют те, что справа, дерутся злее и толковей, командир у них в драку не полез, а грамотно руководит. Если впишется, чтобы поддержать авторитет, то только в последний момент.

– Торопись, – с усмешкой прокомментировал Тарий. – Если бы у тебя что-то было, я бы заключил с тобой пари, и ты бы проиграл.

– Я бы не стал спорить, – отозвался Павел.

Он снова сосредоточился на картинке. Еще с минуту продолжалось обычное месиво, правые победили, с левой стороны остался всего один боец, он крепко стоял на ногах, возвышаясь над тремя поверженными противниками.

– Смотри внимательней, – наставительно произнес Тарий.

Но в этом не было нужды, Головин и так с интересом разглядывал единственного представителя проигравшей группировки. Вот тот запустил руку в карман. Головин присмотрелся, перчатка на правой руке была необычной, он заметил пару каких-то кристаллов, которые начали светиться имен-

но в этот момент. Из кармана на свет появился алый шар размером с бильярдный, он взял его в обе руки и резко повернул половины в противоположенные стороны. И тут же тот вспыхнул алым, после чего мужик резко подкинул его вверх метра на три. Враги, видимо, прекрасно понимали, что происходит, и бросились врассыпную. Да вот только далеко не убежали. Из шара в спины бегущих ударили короткие алые молнии, только мужик в перчатке управлял шаром, выбирая цели. Все, до единого, повалились на плиты площади, застыв изломанными куклами, из-под некоторых расплывались кровавые лужи. Даже умный главарь последних не успел ничего сделать, его обожженное до мяса почерневшее лицо было отлично видно.

– Неслабо жажнуло, – прокомментировал Головин. – Хорошая гранатка, нам бы такие нацистов давить. А почему автора не тронула?

Тирай пожал плечами.

– Возможно, она расценивала его, как своего. Думаю, перчатка – управляющий элемент, а других людей на вечерней площади нет, похоже, местные знали, что случится стычка двух банд, и держались подальше. Смотри, это еще не все.

Выживший поднял руку, и алый шар опустился ему на ладонь, ту, которая в перчатке. Он снова сделал вращательные движения, словно соединил его обратно. И тут, наконец, проснулись городские власти, прямо из пустоты на площадь шагнули несколько людей в темных длинных плащах с

прикрытыми лицами. Вместе с ними пришли три железные, а может, и не железные, игрушки, или, как для себя Павел их окрестил, големы. Бежать бандиту было некуда. Он снова активировал свой шар, но на этот раз он не сработал, висел себе у того над головой и висел. Рука одного из мужчин окуталась странным багровым светом, он вытянул ее и помянул шар, который послушно влетел в его ладонь. Деактивировав устройство, страж порядка сунул его в карман. Затем что-то произнес, обращаясь к бандиту. Тот скривил рожу в стиле «хрен вы меня возьмете, волки позорные» и вытащил из другого кармана рукоять от ножа, которую перекинул в правую руку, и из нее тут же появилось полуметровое узкое призрачное лезвие.

Черный никак не прореагировал, только сделал знак своим игрушкам, и те с невероятной скоростью, сжимая в руках какие-то шесты, по которым бегали электрические разряды, ринулись на бандита. Что ж, дальше ничего интересного не было, железки уложили сопротивленца в три секунды, он смог ударить только один раз, отрубив голему кисть, после чего тело подняли и утащили в пустоту. Черные в сопровождении пострадавшей железяки обошли побоище и, добив тех, кто был, видимо, еще жив, прихватив с собой артефактный нож, ушли так же, как и пришли.

– Очень интересно, – озвучил увиденное Павел. – А у них только контактное оружие или есть и дальнобойное? И что насчет огнестрела?

– Того, к чему ты привык, тут нет. Вообще нет огнестрельного оружия. Почему? Мы не знаем. Дальнобойное имеется, не хуже ваших пистолетов и винтовок, но на каких принципах оно работает, понятия не имеем. Скорее всего, это зависит от уровня создателя или владельца работать с энергией, поскольку пользоваться им могут далеко не все. Ну, во всяком случае, к такому выводу мы пришли. Да что я рассказываю, сейчас покажу.

Следующие два часа Павел изучал методы и возможности вероятных противников. Надо сказать, интересно. Были у них действительно винтовки, которые стреляли белыми энергетическими шариками, как только заряд поражал цель, следовала небольшая вспышка, и тело зависало в воздухе. Правда, при этом никаких видимых повреждений Головин не заметил, кроме того, что на землю падал труп с белым от ужаса лицом, а через несколько мгновений исчезал и странный снаряд. Были и другие заряды с уже привычным действием, некоторые поджигали, другие промораживали, и нечто, напоминающее кислоту. Но вот что странно, этих вещей было очень мало, настолько, что одновременно на поле боя использовалось не больше десятка таких артефактных стволов, и только у офицеров, остальные аборигены имели более простые, но чаще предпочитали резать друг друга холодняком или стрелять из самострелов, напоминающих арбалеты, которые тоже имели кое-какие артефактные улучшения, но не слишком отличающиеся от того, к чему привык

он.

– Из тысячи часов записей, – вздохнул Тирай, когда Головин попросил поставить еще парочку, – я отобрал самые интересные. Но пора переходить к катастрофе, времени мало. А тебе еще нужно с телекинезом освоиться.

Павел вздохнул, вот с этим дело не шло совсем. Тирай даже вызвал одного из техников, вроде это был старший Тор. И тот показал класс, вошел на тренировочную площадку, поднял с пола взглядом три мячика, затем покружил их над головой и как-то неуловимо отправил в мишени, которые стояли треугольником, причем две из них были основанием справа и слева за спиной.

– Долго тренировался? – спросил Головин, когда техник покинул площадку.

– Тут ничего сложного нет, – пожал тот плечами, – концентрация, видение окружающего пространства. Я ведь не всегда техником был, моя должность по совмещению ликвидатор угрозы для персонала станции. Раньше был в частной армии правителя планеты Голг. Но это так, забава. Тренируйся. С одним я могу еще с учебы, когда только имплантат поставили, примерно за неделю. А вот с тремя... На это ушло с полгода. Только я не с шариками тренировался, а с различными острыми предметами, вроде железяк, которые твое тело насквозь пробьют. Я видел, как ты тренируешься и отрабатываешь удары, хочешь, с младшим моим братишкой сойтись в тренировочном поединке?

– А чего не с тобой?

– Военные модификации, – ответил Тор. – Случайно покалечу, вовек не расплачусь. А братец – любитель кулаками в питейных домах помахать, вам с ним будет интересно.

– Ну, тогда вечером попробуем с Теком, – согласился Павел.

Запись с гибелью большинства населения Эксиолы не сказать, что произвела впечатление, не было ни мировой войны, ни ядерных взрывов, ни вирусов, все случилось как-то прозаично. Просто в одно прекрасное утро от одного из артефактов, висящих над не слишком крупным городом, в сторону соседнего выстрелила серая нить. Она ударила в шар между игл, и из него вылетело уже две. И так дальше, разрастаясь по всей планете. Люди на улицах останавливались, задирали головы вверх, не понимая, что происходит. А затем экран, который защищал планету, стал плотным и непроницаемым.

– Мы вели непрерывную запись, – пояснил Тирай и ускорил запись, – щит прояснился спустя год и два месяца. Мы не смогли понять, что случилось, но к этому моменту мир погиб.

Головин увидел только мертвые города. Нити, связывающие артефакты, изменились, теперь с них свисала бахрома, длинная, достающая до земли, и стелилась по ней тонкими нитями, расплзаясь по округе. Она была везде – в городах, в лесах, каменистых пустынях.

– Вот что нам удалось запечатлеть спустя несколько месяцев.

Головин сосредоточился на картинке. Двое мужчин крались по окраине города, у обоих на глазах были какие-то очки. Они шли очень осторожно, активно вертя головами и внимательно смотря, куда ставят ноги. Неожиданно один оступился и задел одну из серых нитей, и оба бросили бежать. Они неслись так, словно за ними гналась сама смерть. Вот только от этой дамочки с косой не убежишь. Из стен начали появляться полупрозрачные силуэты, отдаленно напоминающие человеческие, которые скользили вслед убегающим. Те неслись, как сумасшедшие, задевая новые нити, и количество призраков, или фантомов, росло. Первый бегун несколько раз вскидывал руку с зажатым в нем предметом, который видно не было. Фантомов отшвыривало с дороги, двоих даже расплескало, превратив в лужи на грязной брусчатке. Но, видимо, заряд оружия был сильно ограничен, поскольку мужчина с грустью на лице опустил руку и сунул девайс в карман. Вскоре призрачные силуэты окружили незадачливых путешественников. Один из них в итоге дотянулся до того, что потревожил сеть, тот замер с ужасом на лице, из него отделилось какое-то полупрозрачное облако, которое было поглощено фантомом, а на землю упал высохший до состояния мумии труп. Напарник погибшего, понимая, что все кончено и его ждет такая же судьба, с выражением обреченного на лице упал на колени. Все повторилось – при-

косновение, поглощение, назовем это душой, высохшее тело. Призраки с минуту постояли над останками, после чего начали втягиваться в стены домов. Вскоре улица стала абсолютно безжизненной, на ней остались только два высушенных тела.

– А ночью еще и бродячий туман появляется. Мы думаем, в нем скрываются такие же призраки, – прокомментировал ситуацию Тирай. – Где возникнет, никто не может предугадать, но живность, которая обитает на Эксиоле, спасается от него, предчувствуя появление. Замечено, что в пустошах и лесах призраков гораздо меньше, чем в покинутых городах. – Он запустил новую запись. – Так Эксиола выглядит сейчас.

Головин с интересом наблюдал за местом, куда ему предстояло отправиться, и задачка нравилась ему все меньше. Мир медленно умирал, города разрушались, серых нитей стало гораздо больше. А еще там стало расти какое-то растение, которое очень любило ночной туман, оно отлично чувствовало себя на камнях, вгрызаясь в них, используя любую щель. Природа тоже не осталась неизменной, с каждым годом она чахла, некоторые места с наибольшей концентрацией населения уже превратились в каменистую пустыню, в которой единственным местом, где что-то растет, это побережье рек, озера высохли. Каменный плющ, так называли растение на станции, не в счет.

– Печальное зрелище, – подвел итог Павел.

Тирай кивнул.

– Поэтому мы хотим спасти знания, хотим спасти выживших, сохранивших наследие предков. Изначальные – хранители всей бесценной информации, и потерять то, что знают те, кто еще не погиб там, внизу, считают преступлением. За этим ты здесь.

– Ну, затем, так затем, – философски пожал плечами Павел. – Я – наемник, вы поставили задачу, обозначили плату, моя работа – выполнить свою часть сделки и получить награду. Правда, у меня есть сомнения по поводу войны с тем, что будет охотиться на меня внизу, уж больно мне не понравилось увиденное, не уверен, что ваш имплантат способен помочь мне в схватке с призраками. А ведь они будут основной угрозой, не люди.

Тирай выслушал все это молча.

– Не знаю, что ответить, – наконец, произнес он после затянувшейся паузы. – Сам видел, что у аборигенов есть какие-то устройства, способные убивать их и убирать с дороги. Кроме того, ты гораздо быстрее этой парочки. Возможно, бегство будет оптимальным способом для спасения. Ладно, у нас осталось два дня, сейчас на Эксиоле ночь, мы воспользуемся окном, которое появится чуть позже, почти ранним утром. У тебя будет максимальное количество времени. А теперь давай обратно на тренировочную площадку, нужно подтянуть концентрацию. Поможет телекинез или нет, но ты должен научиться им управлять.

– В этом ты прав, уж коли отправляете туда с голым задом, хоть пусть какое-то оружие у меня будет. А вообще у вас есть какие-то боевые скафандры? Интересно было бы взглянуть.

– Есть, – кивнул Тирай, – но сейчас их все равно нельзя использовать, так что, толку знакомить тебя с их разновидностями и возможностями, это попросту тратить время, которого у нас и так нет. Потом сам изучишь. Во вселенской сети достаточно информации по этому вопросу.

– Твоя правда, – согласился Головин и прошел в тренировочную зону.

К концу второго дня ему, наконец, удалось послать мягкий шарик в сторону цели, не попал, но тот, развив приличную скорость, просвистел сантиметрах в двадцати.

– Наконец-то, – обрадовался Тирай, голос его звучал устало, словно он сам весь день тренировался. – Уловил, как ты это сделал?

– Сейчас выясним, – поднимая отлетевший к нему шарик взглядом и концентрированным резким выбросом силы отправляя его в цель, ответил Павел. Красным росчерком тот просвистел через всю комнату и даже почти угодил в край мишени, разминувшись с ним в считанных сантиметрах.

– Устал? Или закрепим?

– Сделаю десяток бросков, если сбоев не будет, то завтра начну тренировать точность.

– Давай. Кстати, а ты понимаешь, что телекинезом можно не только швырять, но и ловить вещи?

– Догадываюсь, что у него много возможностей, но сейчас нужно разобраться с той, что мне наиболее нужна. А как разовью имплантат, так... – при этом Головин снова отправил шарик к цели, и на этот раз попал. Его лицо осветила улыбка, наконец-то получилось. Пусть не идеально, но все равно это было ощущение победы. Он научился делать то, что раньше делать неумел.

– Он питается от твоего тела, – начал просвещать насчет имплантата Тирай, – чем хуже ты будешь себя чувствовать, тем больше энергии будет забирать телекинез, и ты можешь просто перенапрячься. Теперь по поводу перегорания. Если ты часто используешь его, очень часто, причем используешь на максимуме возможностей, для тебя это триста грамм, если ты зацепишь четыреста и станешь их тянуть к себе, то это у тебя выйдет, но имплантат будет греться, и если вовремя не остановиться, просто отключится, и не будет активным, пока не остынет. Поверь, это ты почувствуешь.

– А совсем выйти из строя? – спросил Павел, в десятый раз подряд попадая в мишень и покидая тренировочную комнату.

– Может быть и такое. Износ, частое употребление, множественные отключения, все это может привести к его перегоранию. И тогда только замена. Сам понимаешь, что выполнить ее на Эксиоле не выйдет, только здесь, на станции. А сюда можно будет попасть, только умерев.

– Не уверен, что выйдет, – хмыкнул Павел. – Тирай, не на-

до считать, что люди глупее, чем вы. Я же прекрасно понял, что, если попадусь призракам, они из меня вытянут душу, так же как из этих бедолаг. Единственный шанс – это умереть раньше, чем они до нее доберутся, или без их участия.

– Я рад, что вы понимаете всю опасность. Вероятно, как это, – он щелкнул пальцами, – вы, люди, говорите, билет в один конец?

– Да, ты все правильно сказал, и да, я прекрасно понимаю, что, возможно, умру безвозвратно. Но я и раньше так жил. Мы, люди, живем, не зная, что нас ждет за гранью, но все равно живем, рискуем шкуркой, иногда даже просто так, ради интереса. А что если... Ладно, пошли ужинать, мне, если ты еще не забыл, с Теком махаться.

– Зачем тебе эта стычка? – тут же напрягся Тирай. – Покалечить он, конечно, тебя не сможет, но все же это ненужный риск.

– Я могу до одурения махать руками, вспоминая приемы, – отозвался Павел, шагая по коридорам станции, – но тренировочный спарринг с партнером покажет, чего я на самом деле стою. Кроме того, я хочу попробовать вплести в рисунок боя мою новую способность. А с самим собой, сам понимаешь, этого отработать не выйдет.

Тирай ничего не сказал, Головин его не убедил, но начальник станции решил не мешать. Он был сугубо гражданским, и лезть в подобные дела не хотел, не считал себя в них достаточно компетентным.

– Готов к взбучке, землянин? – услышал Павел, стоило ему переступить порог кают-компаний.

– Всегда готов, – отдав пионерский салют, отозвался Ухо. Тек одобрительно кивнул.

– Тогда ешь, силы тебе еще понадобятся. И милости прошу в наш развлекательный центр.

Головин кивнул и направился к автомату. Получив поднос с очередным набором рациона, он уселся за стол к братьям, а не как в прошлый раз за отдельный. Те синхронно кивнули, принимая новичка.

Они обсуждали что-то вроде сериала, который смотрели, только, в отличие от земных, это был интерактив, где зритель мог участвовать в действии и влиять на сюжет. Головин, жуя, прислушивался к их обсуждению. Не сказать, что было интересно, но все же какое-то разнообразие.

В развлекательном центре ему еще не доводилось бывать. Большая комната на другом уровне, тут был ринг, какие-то столы для игры, огромный полупрозрачный дисплей, капсулы виртуальной реальности, бар с разными бутылками. Короче, все, чтобы персонал не скучал. Вообще станция была небольшой, всего на сотню человек, но столько персонала для слежения за планетой, на которую нельзя попасть, не нужно, и всех отослали, оставив четверых, которых по графику меняли.

– Хорошая у нас станция, – произнес Тор, – не работа, а отдых, разве что девочек не хватает, Гилая не считается, будь

она последней бабой во вселенной, я бы на нее не полез.

– Полез бы, – отозвалась женщина, занимая один из диванчиков, стоящих вдоль столиков, после чего телекинезом притащила из бара бутылку и стакан и налила примерно четверть. – Еще как полез бы. Если на пару месяцев задержимся, в ногах к концу второго будешь валяться, и пальцы мне целовать, чтобы я тебя в койку пустила.

Техники одобрительно заржали.

– А ведь она права, братец, – толкнул Тора Тек, – виртсекс – это все фуфло. Ты без живой бабы два месяца не протянешь. Ладно, землянин, готов по полу ползать?

– Только над твоим телом, – весело и с задором отозвался Головин, и все засмеялись, ответ понравился.

Тек скинул форменную куртку и прошел за защитное поле, Павел поступил идентично.

– Правила? – спросил Ухо.

– Просто поединок, – отозвался Тек. – По яйцам не бить, конечности не ломать, глаза не выдавливать, уши, ноздри и рот не рвать. Если хочешь пользоваться телекинезом, валяй, я не буду, а то ведь раз двину, и грудная клетка всмятку, потом восстанавливай тебя, а у тебя имплант свежий, ты мне все равно своим теликом ничего не сделаешь.

– Договорились, – отозвался Павел.

– Тогда по сигналу, – кивнул противник, и тут же под толком что-то громко и резко прогудело.

Ухо пошел вперед, работая руками и ногами. Пару раз пы-

тался сделать толчки силой, но из этого ничего не вышло, только один раз показалось, что Тек покачнулся, но почти незаметно. Противник пока слегка кружил, ведя его за собой, не бил, так, не давал навязать схватку на чужих условиях.

– М-да, – синхронно протянули оба бойца, вывалившись с «ринга». Рожи у обоих были помятые.

– Боевая ничья? – предложил Тек, протягивая руку. – Не ожидал.

– Согласен, – кивнул Головин и пожал сероватую конечность. – Ты бы мог меня сломать, но для этого пришлось бы меня вырубать жестко, на грани, или убивать.

– Вроде того, – согласился Тек. – Выпьешь?

– Выпью, – согласился Головин. – Тирай, что мне можно пить-то? Вдруг у вас есть напитки, которые нельзя мне.

– Тебе все можно, – отозвался начальник станции. – Интересный бой, впервые видел Тека, лежащим на полу. Ни разу его не роняли.

– Все бывает, – философски отозвался Тор и притащил из бара еще пару стаканов и бутылку какой-то красной жидкости, которая оказалась довольно приятной и не очень крепкой, что-то вроде кислой настойки.

Время до отбоя прошло хорошо. Головин весь вечер тренировал телекинез, поднимая и опрокидывая стопки себе в рот. Плохо, что пил, и совершенно не пьянел. Похоже, пьяные биороботы были тут без надобности. Он весь облился,

но на седьмой прекратил мазать.

– Неплохо, – прокомментировала Гиляя. – Но вот когда пообедаешь, не обляпавшись, вот тогда можно сказать, что начального уровня достиг.

Головин пожал плечами.

– Не все сразу, и на моей улице перевернется грузовик с бухлом.

Глава четвертая

– Что по плану сегодня? У нас осталось два дня, – после завтрака поинтересовался у Тирая Головин.

– Шарик меняем на тяжелый, максимального веса, снаряд, даже чуть больше, – пояснил начальник станции. – Будем продолжать развивать имплантат. Тек вызвался с тобой поработать на ринге, помочь с тренировкой. Только не поубивайте друг друга. А еще я хочу опуститься по линии твоей родовой памяти.

– Зачем? – тут же напрягся Павел.

– Не беспокойся, это безопасно, но может тебе пригодиться, хоть ваше общество и не использует подобное, сохраняя наследие крайне неудобным способом в виде внешних носителей, это не значит, что ты не можешь воспользоваться тем, что умели твои предки. Просто это нужно пробудить.

Головин пожал плечами.

– Знания лишними не бывают. Хотя не понимаю, чем мой предок, воевавший с Наполеоном и стрелявший из примитивного кремневого пистолета максимум на десять шагов, может помочь мне, человеку, который стрелял на полкилометра без всякой оптики и попадал?

Теперь уже Тирай пожал плечами.

– Пока не попробуем погрузиться, не узнаем. Но почему

ты все сводишь к боевым навыкам? Вдруг ты получишь знания, которых раньше не имел? Например, ты сможешь самостоятельно сделать зажигалку? Или бомбу? Не забывай, мы выкинем тебя на опаснейшую планету, класса диких, одного, без одежды, с низким уровнем подготовки. Думаю, тебе пригодится все.

– Ну, в принципе, да, – не слишком уверенно кивнул Павел, он уже понял, куда клонит собеседник. – Все же, наверное, ты прав, одно дело думать, что можешь, а другое точно знать. Ну что, на полигон?

– На полигон, – подтвердил Тирай.

Стальной шар весом триста сорок грамм, оказалось, двигаться гораздо тяжелее, чем маленький резиновый мячик. К концу первого часа Головин вспотел, заболела голова, а область внутри черепа ближе к затылку начала слегка нагреваться. Но результат был, тяжелый шар с силой бил в центр мишени, и если бы не материал, который плавно принимал на себя удар, роняя снаряд на мягкий пружинящий пол, то от мишени после первого броска ничего бы не осталось.

– Хватит, – неожиданно приказал Тирай, наблюдавший за ним. – Имплантат близок к перегрузке, еще немного, и перегреется окончательно, и потом будем ждать часов пять, пока нормально начнет функционировать. Запомнил ощущения?

Ухо кивнул.

– Понял, дальше лучше не доводить, ощущения неприятные. Ну, тогда я на ринг?

– Нет, ты в кресло, – указав на парящий предмет мебели с вращающимся вокруг него прибором, приказал начальник станции, – поработаем с твоей родовой памятью.

Головин вышел из тренировочной камеры.

– Как скажешь, – легко согласился он.

Кроме того, после прошлого разговора его этот вопрос реально заинтересовал. Например, дед хоть и был солдатом и в войну дошел до Праги, пока не поймал свой осколок, но был рукастым, дом сам построил, машину старую чинил, мог легко разобрать часы, отладить и собрать обратно. У Павла даже с более несложными вещами не всегда получалось собрать так, чтобы работало. Это не касалось оружия, вот с этим всегда порядок, он мог взять в руки незнакомую немецкую штурмовую винтовку, раскидать ее на части, а затем без проблем вертать все в зад. Поэтому все с «новьем», взятым трофеями, шли к нему.

Павел забрался в кресло и, усевшись поудобней, вопросительно уставился на Тирая.

– Что дальше?

– Закрой глаза, – начал инструктировать тот, – и думай о своих предках. Думай о тех, кого помнишь. Не надо глубоко забираться, больше от тебя ничего не требуется. Ах да, не усни, – добавил начальник станции.

Головин кивнул, ничего сложного. Он прикрыл глаза и начал вспоминать деда и прадеда. Ничего не происходило, кроме того, что снаружи изредка мелькал свет...

– Ну, здравствуй, внучок, – неожиданно появилась в его голове чужая мысль. – Э-ка ты, куда забрался-то.

– Дед?

– Он самый, оболтус голозадый. Значит, вот как все вышло, нашел ты свои два метра. Но нашел с честью.

– Такая судьба солдата, не ты ли меня этому учил? – мысленно ответил Головин.

– Верно, внучок, все ты правильно помнишь. Для солдата боевой поход – это судьба, остаться в живых – удача, вернуться домой – случайность. Ну да ладно, вижу, не посрамил ты род. А теперь давай, возвращайся обратно, а то твой инопланетник уже побежал за аптечкой, или чего там у него? Если что, зови, чем смогу, помогу.

Головин открыл глаза. Он лежал на полу, а в стороне суетился Тирай, рядом с которым парил медицинский робот.

– Очнулся? – заметив, что пациент открыл глаза, констатировал он очевидный факт.

– Очнулся, – согласился Павел и сел, голова была тяжелой и гудела, словно колокол, хотелось спать. – Что случилось?

– Не знаю, – развел руками Тирай, – никогда подобного не видел. На приборах внезапно произошла запредельная вспышка активности мозга, мне показалось, что ты там не один, но такого быть не может, едва имплантат ИИ не перегорел, а ты отключился. Плохая это была идея, не приспособлены вы, земляне, для погружения в родовую память.

– Ты хочешь сказать, мы дефектные? – не став говорить

начальнику станции, что разговаривал с дедом, поинтересовался Головин, поднимаясь с пола, он пошатнулся, но устоял.

– Называй, как хочешь, но факт остался фактом. Я не смог обнаружить ни единого участка всплывшей родовой памяти. Давай обратно в кресло, проведу сканирование, посмотрим, не навредили мы тебе. Это будет очень плохо.

Головин хмыкнул и полез обратно.

– Обошлось, – спустя минут двадцать, произнес Тирай. – Слазь.

В этот момент в лабораторию вошла Гилая. В руках у нее был небольшой контейнер.

– Вот, закончила. Может, выгорит, и не с голой задницей на планете окажется. Полный комплект сделать не успеем, слишком долго происходит генерация такого сложного материала.

Тирай поставил контейнер на стол и, открыв его, достал оттуда трусы-боксеры телесного цвета.

– Неплохо, – изучив изделие, произнес он.

– Крепкие, не пачкаются, – продолжила нахваливать трусы Гилая. – И главное, мало чем отличается от псевдо кожи, как мы знаем, она проходит барьер, ничего искусственного. В крайнем случае, они просто в прах рассыплются, как одежда, на первом био, которого мы туда посылали. Так что, мы ничего не потеряем. Но, как я сказала, мы не продумали эту идею заранее, так что, на нашем оборудовании только трусы сделали, на полный комплект, включая обувь, уйдет не

меньше двадцати трех звездных единиц. Если вы задержите отправку Павла до следующего окна, я успею.

– Нет, – коротко ответил Тирай. – То окно крайне неудачное, оно ночное, он не успеет ни адаптироваться, ни найти укрытия. И через час мы получим его обратно. Если получим.

– Трусы – этого хорошо, – сказал Головин, забирая из рук начальника станции свой новый элемент гардероба. – Знаете, как неудобно бегать, когда конец болтается? Так что, спасибо, Гилая. Жаль, нельзя сделать что-то вроде тапочек для плавания, чтобы ходить без особой опаски.

Женщина виновато, развела руками.

– Пять звездных единиц, не меньше, быстрее материал не накопится.

– Ну, что есть, – улыбнулся ей Головин. – Спасибо.

Та кивнула и удалилась.

– Ну-ка примерь, надо посмотреть, как они на тебе, потренируйся в них, если будут натирать или ты в них сопреешь, этот вариант не подойдет, хотя крепость кожи не позволит получить травму, но дискомфорт – плохо для дела. Никто никогда не делал ничего подобного, не было нужды, так что, никаких испытаний, естественно, не проводилось.

Головин пожал плечами и, забрав трусы, отправился в тренировочный зал.

Сняв комбез и нижнее белье, он, хоть и с трудом, но натянул обновку. Первые пару минут они сильно жали, но до-

вольно быстро растянулись. Он подвигался в них, присел пару раз, поднял ноги, пробежался вокруг ринга. Вроде бы ничего, он даже перестал их ощущать. Забравшись на тестовый полигон, он проделал разминочный комплекс, потом помахал руками и ногами, гоняя по рингу «тень». Потом явился Тек, которого вызвал начальник станции, и они уже вдвоем приступили к спаррингу. Труссы оказались, что надо, ничего не потело и не прело, они не натирали, их, словно, вообще не было. Так прошло не меньше двух часов.

– Тирай, отличная одежда. Давай Гилае команду на изготовление полного комплекта, чтобы, если помру там и все же вернусь, у меня была одежда для следующего выхода.

– Хорошо, но только после того, как ты пройдешь в них барьер, вдруг, не все учли, и они и вправду в пыль рассыплются?

Головин кивнул и, поджав руку безухому Теку, слез с ринга. С помощью техника подготовка стала куда продуктивней. Так и пошло дальше – тренировка, телекинеза, ринг, физуха, записи с планеты. В кресло для погружения в родовую память Тирай его больше не сажал.

– Готов? – Тирай стоял рядом со стаканом, размещенным прямо внутри, пока еще деактивированного силового луча, который должен был доставить Павла на Эксиолу.

Процесс, не сказать, чтобы сложный, стакан опускается до верхних слоев атмосферы, именно там располагался барьер, в этот момент там образовывалось тонкое место, которое си-

ловой луч мог пробить, стакан распался, оставляя объект, в данном случае Павла, внутри луча, который опускал его на поверхность. Ну, а дальше...

– Всегда готов, – следуя традиции, улыбаясь, ответил наемник, но руку в пионерском салюте вскинуть не смог, так как был зафиксирован внутри стакана.

– Тридцать секунд, – суровым голосом сообщил Тор, отвечающий за отправку и наведение. – До встречи, землянин, был рад знакомству.

– Бывайте, – ответил Павел, поскольку тут собрался весь маленький экипаж. – Может, когда-нибудь увидимся.

В голове пошел отсчет, голос ИИ монотонно бубнил: «Двадцать, девятнадцать...».

– Поехали! – весело выкрикнул Головин, когда услышал «ноль», и капсула, соскользнув с направляющей, устремилась к Эксиоле, окруженная голубоватым непрозрачным светом. Никаких перегрузок, ни тошноты, ни ощущения свободного падения, казалось, что она вообще не двигается.

Про себя он начал считать. Когда дошел до девяноста, прозрачные стенки раскрылись, как цветок, и отлетели в сторону, оставив его в силовом луче. Тут же стало холодно, но не настолько, чтобы стучать зубами. О том, что он прошел барьер, стало ясно, когда он почувствовал, как нагрелся ИИ, находящийся в его голове. Виски заломило, он боялся, что это поджарит ему мозг, так как имплантат находился прямо под ним, но это почти сразу прекратилось. А через секунду

он получил короткое сообщение от «железяки»:

– Жив, прошли.

– Уже в плюсе, – прокомментировал Головин.

Кстати, перед тем, как войти в капсулу, он поменял свой позывной. Долго думал, что взять, поэтому выбрал то, что соответствовало ситуации. Для всех на орбите он был теперь призрачным видением, которое могло растаять в любой момент. Так Ухо стал Миражом. И если станции удастся каким-то макаром наладить с ним связь, обращаться они к нему будут, как к Миражу.

Новый отсчет. На двухстах силовой луч исчез, и Павел полетел на землю с высоты пяти метров.

– Твою ж мать, – мысленно пожелал он Тору.

Да, сценарий, когда силовой луч пропадет в связи с закрытием окна, просчитывался, но, видимо, на этот раз техник опоздал с посылкой на пару долей секунды. Не критично для нового тела. Ступни ударились о каменистую землю, и Головин ушел в перекат через левое плечо, смягчая силу удара. Вообще Тирай заверял, что он сможет без особых последствий прыгнуть с высоты метров десять-двенадцать на твердое покрытие, а на мягкую землю так вообще с пятнадцати, новый скелет позволял, не рекомендовано, но можно, если припрет.

Вскочив на ноги, Павел осмотрелся. Местом высадки на этот раз оказалась равнина с каменистой твердой потрескавшейся почвой, вокруг никакой бахромы, всяких артефак-

тов. Поблизости вообще ничего не было. Труссы полет пережили, уже здорово, а вот то, что ботинок нет никаких, хреново. Да, его новая шкура попрочнее старой, но сможет ли она сопротивляться, если он будет сбивать ноги несколько дней подряд? Он знал, куда его забросит, ему было нужно идти на восток, чтобы добраться до вымершего поселка. Это было единственное место, где можно найти хоть что-то. Крошечный, с дюжиной двухэтажных домов, одной улицей и лавкой. Вроде фермерской деревеньки, поскольку раньше тут были сплошные поля.

ИИ хоть и находился в пассивном режиме, но легко сориентировался по сторонам света, и в голову Павла с короткой вспышкой мигрени пришло сообщение: «Тридцать градусов направо, дистанция – двадцать шесть километров».

Головин повернулся в нужную сторону и заметил ориентир – какую-то вышку на горизонте. В принципе, он изучал карту района, в который его будут высаживать, так случилось, что окно всегда возникало в новом месте, на станции просто научились их засекаать.

Мираж не торопился бежать к городку. Сначала надо было прояснить обстановку, несколько раз он медленно повернулся вокруг на триста шестьдесят градусов, изучая все, что есть вокруг него, но ни живности, ни призраков, ни растений не увидел. Только нечто ржавое и накренившееся на горизонте. Подняв взглядом мелкий камешек, он с силой послал его в нужную сторону, тот со свистом унесся вдаль. Если бы

кому-то прилетело в череп, не факт, что кость бы выдержала, а в камешке весу всего грамм двадцать. Что ж, одно оружие у него уже есть. Теперь бы приодеться, да и вооружиться. Нормальный обычный нож не помешал бы.

Павел еще раз обернулся, выискивая неприятности, но все было тихо и пусто.

– Шагаем, – приказал он вслух сам себе и сделал первый шаг по чужой, едва живой планете.

С первой серой нитью и свисающей с нее бахромой, идущей с севера на юг, или наоборот, он столкнулся на шестом километре пути. К этому моменту Мираж вышел на остатки дороги, так шагать было проще.

Остановившись в сотне метрах, он пристально начал изучать свисающие нити, здесь их, в отличие от городов, было немного, до земли доставай далеко не все, но над дорогой оказалась самая густая завеса.

Трогать их Павел не стал, хотя очень хотелось отправить первый материал в «центр», но сейчас ему, человеку, который имеет минимум информации о происходящем, было категорически нельзя, если они будят скрывающихся неподалеку фантомов, то сейчас связываться с агрессивной формой жизни смертельно опасно.

Он внимательно изучил места поблизости, где занавес не достигал земли, и бахрома была самой жидкой, крюк в пятьдесят метров – и не крюк совсем. Сойдя с дороги, Головин, не спеша и внимательно глядя себе под ноги, направился к

нити.

Что ж, осторожность и наблюдательность себя оправдала, уже на подходе он заметил на земле серую тонкую нить, которая едва светилась, причем подсветка ее и выдала, что ж, уже неплохо, пробормотал Мираж, и присел в паре метров от сигналки, внимательно изучая ее. Ничего интересного, потолще волоса, но ненамного, вот и все наблюдение. Он уже собирался уйти, когда та слегка шевельнулась и сдвинулась в его сторону. Ветра, который мог проделать это, и в помине не было, полный штиль. А значит, нить его почувствовала. Павел поднялся и отступил на шаг, это его и спасло. Ожившая нить стала похожа на кнутовище, она резко изогнулась и буквально ударила в его сторону, стремясь зацепить по ногам. Не вышло, не зря все четыре дня Головин махал руками и ногами, оттачивал с Теком реакцию. Нить шла понизу, поэтому он подпрыгнул, пропустив ее под собой, потом в три гигантских прыжка разорвал дистанцию, оказавшись сразу метрах в восьми. И серая сразу успокоилась, замерла на желтоватой каменистой потрескавшейся земле, как ни в чем не бывало.

Павел поднял голову и, вытянув руку, сжал ладонь в кулак, оттопырив большой палец. Как ни странно, этот знак означал у инопланетян то же самое, что и у обычного землянина, одобрение, или все в порядке. Головин прекрасно знал, что сейчас весь персонал станции замер у экранов, следя за ним. Его успех – залог их полезности, а это значит, рост в

социальном рейтинге, на котором строилась жизнь в их родных мирах.

Павел направился к намеченному коридору, до которого осталось всего метров сорок. Ни одной длинной нити, он больше так и не заметил. Проход в занавесе был довольно широким, высотой метра в четыре и шириной в десяток. Да и рядом с этим нити не свисали ниже двух метров. Осторожно шагая и внимательно следя за тем, что находится у него под ногами, Головин приблизился к центральной нити. Остановившись в трех шагах, он начал пристально изучать ее. Разглядеть удалось немного, больше всего это напоминало толстенный мохрящийся канат, как тот, по которому в школе лазили к потолку. Нити, свисающие ближе всего, тускло засветились и заволновались. Что ж, доказано они чувствуют присутствие Головина. Интересно, они на местных так же реагируют? Тот ролик, что он смотрел про двух невезучих мужиков, был ранний, совсем ранний, несколько лет с момента катастрофы, других свидетельств контакта аборигенов с нитями зафиксировать не удалось, выжившие предпочитали держаться от них подальше.

И тут произошло то, чего Мираж никак не ожидал, нити стали удлиняться. Павел не стал ждать, пока ему перекроют дорогу, и одним рывком миновал закрывающийся коридор. При этом одна нить прямо на его пути опустилась так низко, что он мог зацепить ее головой, уклоняться было поздно, и он отклонил ее в сторону телекинезом. И все вышло.

Оказавшись шагах в шести на другой стороне, он обернулся, всякое движение вновь прекратилось, фантомы из-под земли не лезли, все успокоилось, словно и не было ничего, только длинная нить медленно отыгрывала назад, возвращаясь к прежней длине.

– Эксперимент признан удачным, – заявил Головин вслух и зашагал прочь, стараясь убраться подальше от опасного места. – Телекинез оказался крайне полезным. – Он надеялся, что вечером ИИ, когда перешлет свой отчет, включит в него и его слова и ощущения.

Через двадцать минут он снова вернулся на дорогу. Ям, кстати, тут хватало, похоже, плохие дороги не беда России, это беда вселенной.

Тирай не соврал, его новая шкура оказалась очень прочной. Через час он сделал привал, осматривая свои ноги, ни одной ранки, никаких мозолей и натертостей, старые ноги при схожей ситуации он бы в кровь сбил, даже не дойдя до главной нити, а тут шагай себе, и шагай. Одно неудобно – каждый камешек под пяткой ощущаешь.

Что-то блеснуло в грязи шагах в двух правее него. Головину было лень вставать, и он просто притянул предмет взглядом. Перед лицом висела мелкая серебристая монета, не потускневшая за тридцать лет.

Что ж, первый трофей, первый артефакт погибшей цивилизации, и не удивительно, что это оказалась денюга, вот насколько не удивительно. Вытянув руку, Павел отключил те-

лекинез, и кругляш упал ему на ладонь.

– Сканирую, – вызвав кратковременный приступ мигрени, заявил ИИ прямо ему в голову.

– Блин, да не ори ты так, снизь громкость, – поморщившись, попросил Павел. Ему никто не ответил, но он знал, что был услышан.

Жаль, железка не разговорчивая, так бы было веселее шагать. До города еще километра три.

– Монета, – уже гораздо тише, но с неизменной мигренью, заявил ИИ. – Риалийский союз. Номинал – пять церсов. Произношение неизвестно. Учитывая анализ надписей, произведенный до катастрофы, ценность минимальная. Состав – двадцать процентов серебра, остальное мельхиор. Имеется крохотный знак на ребре, не похожий ни на что, что наблюдали раньше. Возможно, это какая-то защита. Знак отсканирован. Отчет закончен, он будет оправлен вечером в урочное время или в нештатное, в случае вашей гибели.

– Ну что ж, – подкидывая монету и лоя ее телекинезом, произнес вслух Головин, – с почином тебя, Пашка. Ценность никакая, но кое на что это железяка сгодится. – Он притянул к себе длинный слегка шершавый камень, валявшийся у обочины.

– Ценность минимальна, – вызвав очередную короткую мигрень, заявил ИИ. – В вашем родном мире называется галька, известен во вселенной под разными названиями.

– Я не для коллекции, – буркнул Головин и, бросив камень

рядом, принялся затачивать ребро монеты.

ИИ промолчал, наверное, до него дошло, что монетка, размером с рубль, может быть неплохим оружием, а если запустить ее с помощью телекинеза, то она лоб пробьет не хуже пули.

Через десять минут все было готово, Мираж снова шагал по дороге, пользоваться телекинезом можно было, любой частью тела, и сейчас монета висела над раскрытой ладонью и крутилась, повинаясь новому хозяину. Изредка он ее останавливал, пытаясь угадать, орел или решка, номинал или мужик в парике.

До поселка оставалось пройти всего полтора километра. На Эксиоле было раннее утро, погода радовала, чистое голубое небо, пара облаков на горизонте. Правда, местное светило поменьше солнца но, было чуть ближе и ярче привычного, и сейчас оно било в глаза, вися над горами. Учитывая, что у Головина пятнадцать часов светлого времени, он пока никуда не спешил.

Поселок был мелкий и своего артефакта из шара в ободах не имел, но нить все же была. Она, как и предыдущая, тянулась с юга на север, правда, чуть наискось, так что, скорее юго-запад. И вот тут просто пахло проблемами. Четыре дома, расположенные под ней и рядом, оплетены бахромой, коридора не было. Он нашелся гораздо левее, по размерам примерно такой же, как и тот, через который Головин уже прошел, ну, может, чуть меньше. Улица была длинной, сот-

ни полторы метров, дома стояли не слишком близко друг к другу. Готическая архитектура, хоть и не совсем, так и перла, у каждого имелось высокое крыльцо с верандой, башенка, большой балкон, коньковая крыша, много окон. И почти везде рос каменный плющ. Тирай показывал с ним записи, разрастался активней дикого винограда, хотя и был на него похож, фиолетовые листья и стебли очень прочные, для людей неопасные, во всяком случае, имелось пару записей, где аборигены трогали лисья голыми руками. На главной улице в пределах видимости, не доходя до каната, стояли несколько автомобилей, нечто напоминающее пикапы, только способные лететь над землей на высоте пары метров. Они почти полностью были укрыты нитевидными коконами, так что просканировать их не вышло бы ни при каких условиях. Может, потому, что машины могли летать, местным плевать на состояние дорог, они по ним не ездили. Если так, то можно честно сказать, они решили проблему. Интересно, а как у них с дураками? Наверное, все же были, они ведь неистребимы.

Головин направился к крайнему дому, на котором и плюща было поменьше, и стоял он дальше всего от занавеси. Непрактичная высокая литая ограда, скрип ржавой калитки. Если бы здесь были люди, то они непременно слышали бы.

– Металл известен, – сообщил ИИ, наградив мигренью на следующие двадцать секунд, – в вашем мире называется чугун.

– Спасибо, это я и без тебя знал, – хмыкнул Головин и направился к распахнутым гаражным воротам, там хоть и было темновато, но не настолько, как, скорее всего, в доме, восточная сторона которого густо оплетена каменным вьюном.

Заглянув внутрь, Мираж несколько секунд вглядывался в темноту, пока глаза не привыкли. Транспорт хозяев отсутствовал. Все, что было в гараже, разбросано. Несколько шкафов распахнуто настежь, крышки ящиков открыты. Кто-то очень давно, судя по пыли, здесь все тщательно обшарил. Но то, что для мародера не представляло никакой ценности, для Головина, у которого из имущества только монета да трусы телесного цвета, здесь был клондайк, например, стоптанные ботинки, шляпа, и много чего еще. Главное порываться в этой горе мусора. Вот только большая часть за годы пришла в негодность, ворота были открыты, и сюда достала вездесущая вода. Штаны, на которые он нацелился, были скользкими от плесени и буквально расползлись у него в руках.

– Ну, ничего, – подбодрил себя Павел, – лиха беда начало.

Глава пятая

Ботинки отправились в полет, на полтора размера меньше, жали безбожно. Обыск гаража занял примерно минут двадцать. Трофеями стали старая кожаная рыжая потрескавшаяся, но вполне крепкая сумка, в которой вероятней всего таскали инструмент, пахло от нее смазкой и железом. Запах, въевшийся в кожу, невозможно было спутать, да и пятна от масла бледные, но вполне отчетливые, остались. Внутрь отправился короткий самодельный нож, напоминающий канцелярский, таким удобно резать линолеум, и плоскогубцы с кусачками. Анализ показал, что это вполне обычные металлы. Засаленная клетчатая кепка с жестким козырьком заняла свое место на голове, из шмоток это было единственное, что уцелело. И то хлеб, поскольку день или его часть обещал быть жарким.

Сунув наточенную монету за край трусов, так ее быстрее можно извлечь и послать во врага или хитро полоснуть по горлу, Головин отправился к двери, ведущей в дом. Вот тут его ждал сюрприз – замок наглухо заклинен. Неудачник, который в нем ковырялся, испортил его и сломал отмычку.

Вышибать тяжелую дверь плечом было бесполезно, даже с новым телом. Головин окинул взглядом гараж и, усмехнувшись, спустился обратно, вытащив из угла наковальню,

килограмм на десять. Он вернулся к лесенке и, перехватив поудобней, словно метатель ядра, отправил ту в дверь в ту часть, где был массивный старый замок. Надо сказать, это была не картонка, как в обычной квартире, толстая дверь из подогнанных досок темного дерева, которое ИИ обозначил незнакомым словом кираб. Крепкое, не склонное к гниению, идущее на мебель, росло на нескольких десятках планет. Ценность низшая. Наковальня, запущенная крепкой рукой, ударила чуть ниже замка, с грохотом и треском сломанного дерева упала на ступени. Дверь приоткрылась сантиметра на три. Все же крепкая, и косяк такой же, но этого было вполне достаточно.

Головин поднялся по ступеням и несильным толчком рукой доломал то, с чем не справилась здоровенная железяка.

Коридор мрачный, в темных тонах стены, каменные, задрапированы гобеленами с какими-то серебристыми цветами. Окон нет, но впереди приоткрытая дверь, из которой льется свет.

Головин замер на пороге, прислушиваясь к тишине. Никто не явился на грохот. Видимо фантомы, которые тут обитали, распугали все живое, а сами они на звук не реагировали. Наемник, насколько возможно, изучил коридор, никаких нитей, чего еще бояться, Павел не знал. Шаг, и старые половые доски противно заскрипели, дом на мгновение наполнился звуком, он словно ожил, очнувшись от забвения.

Головин слегка скривился, для него, разведчика, так шу-

меть было верхом непрофессионализма. Шаг, еще шаг... Доски пружинили под его весом, но больше такого резкого звука не издавали, скрип был, но едва слышный. Дойдя до комнаты с открытой дверью, он обнаружил какую-то кладовку и выбитое окно. Света вполне хватало, какое-то устройство, напоминающее массивный советский пылесос, два раскрытых здоровенных дорожных чемодана, какие-то коробки на полках, некоторые из них пустые валялись на полу.

Павел присел возле устройства, кто-то, скорее всего тот, кто навел такой бардак в гараже, откинул крышку, возможно, что-то вытащил. Может, источник питания? Плохо, взглянуть и отсканировать устройство, которое питало этот агрегат, было главной целью. Но все равно Головину достались какие-то знаки, ничуть не напоминающие местный алфавит, выгравированные на внутренней стороне. Он аккуратно приложил ладонь, и башковитый ИИ принялся снимать информацию, так Головин прогладил весь корпус, позволив считать все до единого.

– Предположительно эти символы местный рунный алфавит, – заявил ИИ. – База не полная, расшифровки отсутствуют, требуются местные книги по артефакторике.

– Поищу, – мысленно ответил Павел, вроде ИИ живой, но какой-то деревянный, с ним скучно, поговорить не выйдет. – Слушай, а ты можешь быть более человечнее? Вести себя не как машина? Мы тут с тобой вдвоем, и пока у меня других собеседников не предвидится, а разговаривать во время

привалов мне с кем-то нужно.

– Нет, – ответил ИИ. – Функция адаптации заблокирована для сбережения ресурса

– Понятно. Ну что ж, тогда идем дальше.

Ответа не последовало. Пройдя в коридор, он оказался в большой темной прихожей. Головин внимательно оглядел пол и потолок в поисках нитей, вроде бы ничего, а вот красноватая плесень, покрывшая стены изнутри дома, и лезущая из открытого входа в подвал, ему очень не понравилась.

– Требуется анализ, – потребовала железяка.

Головин вздохнул и, вытянув левую руку, аккуратно приложил ее к влажному пятну.

Прошла примерно минута.

– Опасность! – завопил ИИ. – Плесень ядовита, вводит-ся универсальный антидот, не прикасаться незащищенными участками тела.

Головин одернул руку и буквально упал на одно колено, вытер ее о старое полотенце, которое кто-то бросил посреди холла.

– Зараза, железная, – поднеся ладонь к лицу и изучая покраснения, словно взял в руки что-то горячее и сразу бросил, в нескольких местах кожа покрылась пятнами, но сейчас это уже быстро сходило. Головин почувствовал легкое головокружение и, отступив подальше, уселся на ступеньку лестницы, ведущей наверх.

– Токсин не слишком сильный, – заверил ИИ, – он не рас-

считан на людей, скорее на мелких зверьков типа земных мышей. У тебя был слишком долгий контакт, а я сразу не смог распознать.

– Да пошел ты, – огрызнулся Павел.

– Мои мощности ограничены твоим энергетическим ресурсом, я умолкаю, все для эффективности.

– Умолкает он, сделал гадость и заткнулся, – разозлился Головин.

Голова прошла через пару минут. Не спеша, встав на ноги, Мираж прислушался к ощущениям, вроде все нормально, можно продолжать, но с такими подставами он долго не протянет. Держась подальше от плесени, которая, к счастью, захватила всего лишь часть стены, он прошел в полукруглую арку портал, откуда шел основной свет. Огромная кухня-гостиная, какие-то объедки, которым стукнуло очень много лет, скорее всего, они здесь с самого первого дня катастрофы. Высушенное тело в женской истлевшей одежде лежит у плиты, еще одно, судя по одежде, мужское, валяется в гостиной у большого обеденного стола из темного дерева.

Головин с минуту стоял в проходе, ища нити. Пусто. Сначала он решил осмотреть женщину и кухню. Присев возле трупа, он прикоснулся к нему рукой. Он успел досчитать до девяноста, прежде чем ИИ закончил сканирование.

– Женщина, тридцать девять лет, полностью обезвожена. Мертва около тридцати лет.

– Есть что-то интересное?

– Нет, – последовал короткий ответ.

– Ну, тогда не трать ресурс, не надо пересказывать мне очевидные вещи, будешь сообщать мне только о чем-то неизвестном.

– Установка принята, – отчеканил ИИ и заткнулся.

– Один плюс в этом точно есть, – произнес вслух Головин, – меня не будет терзать мигрень.

Его тихий голос прозвучал неожиданно громко. Поднявшись с колена, он осмотрел стол, обычный длинный кухонный нож, его неплохо тронула ржавчина. Взяв его в руки, повертел. Прикинул, нужен ли он ему, как оружие. Поскольку ничего другого не было, сунул его в сумку. Толстая, пусть и мягкая сталь вполне сойдет на первое время, а там, может, что-нибудь найдет. Поскольку ИИ промолчал, значит, тесак обыкновенный, и внимания не стоит.

Осмотр кухни занял минут пять. Мираж заглянул в каждый ящик, повозился с холодильником, ничем другим эта дура на платформе с дверцей быть не могла, дверца была распахнута, внутри обнаружили руны, но там явно чего-то не хватало.

На всякий случай Головин облапал ладонью стенки шкафчика.

– Шесть новых знаков, условно именую их рунами, – сообщил ИИ. – Больше никакой информации, вероятно, тут располагался элемент питания.

– Ох...нный вывод, – не сдержался Павел, – пять баллов.

Ничего съестного не обнаружилось. Может, мародеры постарались. Еще раз окинув взглядом кухню, Головин перешел в гостиную. Труп мужчины он на всякий случай тоже просканировал, поскольку ИИ промолчал, а возраст мертвеца наемнику был не интересен, Павел начал прикасаться ко всему подряд. Кто-то вывернул карманы покойнику, рядом валялись карманные часы, разбитые и помятые, видимо, со злости их раздавили каблуком. Одежда с трупа никуда не годилось, а, учитывая, что размер обуви у хозяина неподходящий, то обувкой разжиться в этом доме не светило. Книги, стоящие на стеллажах, Головин пролистал все, проведя рукой по каждой странице. Он знал, что ИИ пашет, как проклятый, но если тот молчал, значит, сказать ему нечего. Судя по обложкам, это была художественная литература.

– Что, внучок, не такое ты ожидал? – неожиданно возник в голове голос деда.

– Да нет, нормально все, – мысленно ответил Павел. – Наверное, ты прав, я ожидал чего-то удивительного. Но я жив, пока еще здоров, так что, все неплохо.

– Ну-ну, – прокомментировал дед это заявление и пропал.

– Только что произошел всплеск активности, – неожиданно проснулся ИИ. – Элемент питания, обеспечивающий жизнеспособность вашей оболочки, потерял ноль семь процента за несколько секунд. Диагностика отклонения не выявила.

– Твою мать, – не сдержался Павел, – зашел дед в гости, почти процент сожрал. Так, если он захочет побеседовать,

я через час сдохну, а подзарядки тут не видать. – Отшвырнув последнюю книгу, которая казалась каким-то справочником, и, судя по картинкам чего-то, напоминающего двигатель, техническим, Павел спросил, – Есть что?

– Анализ ведется. Вероятно, имеется схема двигателя незнакомой конструкции. Анализ закончен. Данная конструкция несовершенна, имеет множество недочетов, признана устаревшей, ценности не представляет. Единственное, что представляет интерес, это схема питания от энергетически элемента. Элемент создан искусственно, обладает большим запасом накопленной энергии неизвестного типа.

– Интересно, осталось только разобраться, что за элемент. Ладно, пошли дальше, рано или поздно найдем что-то полезное.

Головин направился к выходу, задев ногой высушенное тело, то легко подвинулось в сторону, и под ним обнаружилась серебристая коробочка, толщиной с пару пальцев и длиной с его мизинец.

– А это что такое? – глядя на какую-то коробочку, лежащую прямо под ногой трупа, озадачился Павел.

Подняв находку, он открыл крышку и улыбнулся, банальная старая спичечница, и почти полная, не меньше полусотни, обычные, деревянные, с красными головками. Что ж, это полезный хабар.

– Что за металл?

– Серебро с небольшой примесью платины.

– Хорошая находка, – довольно заявил Павел и, открыв сумку, сунул в небольшой наружный карман. Теперь он мог хотя бы развести огонь.

Лестница, ведущая на второй этаж, безбожно скрипела. Там окон было больше и света достаточно, вот только одну комнату можно сразу вычеркнуть из планов на осмотры, внутри она вся была увита каменным плющом. Тот уже сокрушил дверь и теперь занимал половину этажа.

– Требуется анализ, – сообщил ИИ, – срежь стебель и обследуй не только внешне, но и внутренне.

– Ага, а его сок меня убьет. Зашибись у тебя идеи.

– Делай, – приказал ИИ. – Ты здесь как раз для этого. Убьет, вернешься назад. Давай.

Головин вздохнул и вытащил из сумки нож, перепилил довольно крепкий стебель с парой листков, шипов и небольшим цветком.

– Отлично. Сложи руки лодочкой и держи в ней объект, пока я не скажу, что можно выбросить. Конечно, лучше образец на станцию переправить, но это невозможно.

Головин вздохнул и выполнил приказ, в конце концов ИИ прав, он заключил сделку именно ради такого.

– Все, можешь выбрасывать, – спустя три минуты разрешил ИИ. – Информация заинтересует Тирая и остальных.

– Есть для меня что-то полезное?

– Есть. Растение хищник, не вздумай уколоться колючкой, которая находится на основном стебле, получишь дозу

могущественного снотворного, вырубит надолго. А пока человек прибывает без сознания, гибкие ветви его оплетают и высасывают все соки, через час будешь похож на хозяев этого дома. Для остального требуется долгие исследования, которые проведут на орбитальной станции.

– Замечательно, ну хоть какая-то полезная информация.

И Павел направился в две комнаты напротив. Одна оказалась ванной, обычный кран, обычная раковина, унитаз, немного непривычной формы, чугунная ванная. Единственное, что заинтересовало Головина, ящик с лекарствами, вот только он оказался пуст, кто-то старательно все выгреб.

Дверь была приоткрыта, и не пришлось ковыряться проволочкой в примитивном замке. Это была спальня подростка, мальчишки лет пятнадцати, во всяком случае, об этом говорили обычные фотокарточки, прикрепленные на зеркало. Да, если бы не магия, которую Павел видел своими глазами, он подумал, что его занесло на запад США в сороковые года или чуть раньше.

Ничего интересного здесь не нашлось. Одежда, оставшаяся в шкафу, не налезла бы на Головина при всем желании, обувь тоже на три размера меньше. Никаких магических артефактов, ничего необычного. На всякий случай, он брал в руки все, что попадалось на глаза. Но единственным трофеем, который все же забрал, оказался складной нож, рукоять с деревянными удобными накладками. Сталь хорошая, никакой ржавчины, клипса плотная, можно разместить на трусах.

Длина лезвия с ладонь, заточено отменно, открывается одним нажатием на хвост. Система хорошо знакомая Павлу, на подшипниках. Разместив трофей на единственном элементе одежды, он почувствовал себя уверенно, и вес около ста пятидесяти грамм входил в возможности его имплантата, так что, пока в плюсе. Но были три задачи, которые нужно решать, как можно скорее, еда, вода и одежда. Глянув на кровать, он сначала подумал соорудить для ног обмотки из простыни, но потом вспомнил, что обувь ему нужна для удобства, а не для безопасности, прочность шкуры позволяла ходить по гвоздям и битому стеклу. Так что, нечего время тратить, надо искать ботинки.

– Книги, – напомнил ИИ, когда Головин уже собирался уходить.

Павел завертел головой и обнаружил на столе стопку учебников, всего пять штук. Вздохнув, он уселся на заправленную кровать и, притянув учебники по одному телекинезом, принялся сканировать страницы, одну за одной. Это заняло почти полчаса.

– Доволен?

– Да, языковой пакет сформирован, язык расшифрован, – заявил ИИ, вызвав очередной приступ мигрени, к которому Мираж уже начал привыкать, да вроде, как и послабее стала. – Остался только вопрос с произношением, но тут тебе нужно дождаться встречи с местными, или найти какую-то аудио запись.

– Ну, хоть не зря.

– После изучения учебника истории стало доподлинно известно, когда появились люди со способностями, сколько их было, и принципы силы.

– Потом расскажешь, на привале, а сейчас надо торопиться.

Головин спустился вниз, бросил взгляд на плесень на стене, потом глянул в сторону кухни. Там была бутылка с хлоркой, во всяком случае, по запаху и цвету это была именно она. Оторвав от фартука, висевшего на крючке, полосу и замотав рожу, Павел отвернул пробку и от души плеснул слегка мутноватой жидкостью на плесень.

– Неожиданно, – высказывая через гараж наружу и срывая повязку с лица, произнес он.

Да уж, надо было сказать, эффект превзошел все ожидания. Вступив в контакт с плесенью, хлорка воспламенилась, дым мгновенно затянул холл, так что, бежать пришлось на ощупь, при этом он потерял кепку.

– Полезный эксперимент, – деревянным голосом заявил ИИ. – Результаты будут добавлены в отчет. А вот дом ты зря поджег. Как бы весь поселок не выгорел.

И точно, из разбитого окна подвала полыхнуло, да так, что спалило какой-то высохший куст, незамеченный ранее. Скорее всего, дом скоро выгорит дотла.

Головин обернулся в сторону остального поселка, выясняя, привлек он своими действиями внимание от необнару-

женных ранее обитателей, или нет. Привлек, то тут, то там из домов выплывали голубоватые, но довольно неплохо видимые в солнечном свете фигуры, правда, все они были в трех домах от Головина, ближе к серому канату. И пока они не спешили в его сторону, просто висели во дворах и на улице, развернувшись к пожару.

– А вот это совсем нехорошо, – пробормотал себе под нос Мираж, отступая к гаражу горящего дома, мимо них, походя поглотив парочку фантомов, к нему двигалось нечто черное, но все такое же призрачное. Метра два высотой, состоящее из десятков переплетенных канатов, вытянутая звериная морда, как у волка, только раз в пять крупнее, ни глаз, ни носа. Туловище длинное, и тоже напоминающее песье, хвоста видно не было. Оно двигалось, используя сразу шесть канатов толщиной в руку, скользя бесшумно, не сказать, что быстро, но такими темпами будет здесь через минуту.

Головин укрылся за углом, после чего вообще отошел на задний двор, в расчете укрыться в небольшом сарае, стоящем метрах в десяти от дома. Желание швырнуть в непонятную сущность с помощью телекинеза не слишком большой камень, Головин подавил сходу, почему-то был уверен, что ничего хорошего из этого не выйдет. А если нет уверенности, то ну его на хрен.

– Полезный эксперимент, – еще раз повторил ИИ, – все зафиксировано, и будет передано на станцию.

– Да пошел ты, – укрывшись за углом и выглядывая на

полглаза, буркнул Мираж. Сейчас ему очень хотелось соответствовать своему новому позывному, растаять в воздухе и не отсвечивать. Тварь добралась до границы поселка и принялась вертеть безглазой башкой.

– Можешь дать ей название, – предложил ИИ. – Это почетно, ты ведь первооткрыватель, никто на станции ничего подобного еще не наблюдал.

Головин задумался, при этом он продолжал следить за тварью, используя, как укрытие, водосточную трубу. Та его явно не видела, и это не могло его не порадовать. Вообще непонятно, чего они так засуетились?

– Пусть будет темный охотник.

– Зафиксировано. Официальное название – темный охотник на русском, на основных языках народов вселенной это будет звучать так, Агол – иссар маарк, Игол – тирог дорв, на...

– Неинтересно, – оборвал перечисление Головин. – Во всяком случае, пока что.

Охотник постоял на границе минут десять, после чего развернулся и удалился. Павел с облегчением выдохнул и перебрался к другому углу. Дом уже всюю горел, правда, основная его часть. Дым сносило на север, до укрытия Головина огонь еще не добрался, так что, всего лишь было чуть жарче, чем обычно. Фантомы с улицы исчезли, охотник скрылся за завесой, спокойно пройдя сквозь нити.

Задрав голову вверх и зная, что, скорее всего, его сейчас

видят, Мираж воздел вверх руку, сжал кулак и оттопырил большой палец, после чего направился к дому напротив.

А вот это интересно, глядя, как каменный плющ спасается от огня, отрывая стебли от дома и стараясь... Нет, не успел. Пламя из окна кухни лизнуло стебель почти у основания, и тот весело занялся, прогорев, словно сушняк, всего за пару минут.

– Удачный эксперимент, – мысленно сказали одновременно ИИ и Головин. Павел улыбнулся и, перебежав улицу, юркнул за очередную литую чугунную ограду.

Странный это все же был поселок, солидные дома, каменные, готические, величественные, посреди засохших полей, ни деревьев, ни холмов с озерами. Поля до самых гор, в тени которых расположился довольно крупный городок. Изучая местность, Павел наметил его, как основную цель. Расстояние, не сказать, что маленькое, от этого поселения до окраин чуть меньше сотни километров, при этом на его пути еще три нити, и это, не считая той, что он видит сейчас.

Дом напротив не принес вообще никаких трофеев, два тела оба женские, похоже, здесь жили мать с дочерью. Ни единой мужской вещи. На его осмотр ушло всего минут двадцать. Была здесь и плесень. Книги изучать не пришлось, поскольку ИИ заявил, что все это любовные романы, и ценности не представляют. Никаких артефактов, пара бытовых устройств с выдранными источниками питания, следы обыска, который кто-то провел задолго до него. Единственная

вещь, которую Головин посчитал ценной, и достойной отправиться в сумку, золотое кольцо с крупным рубином, завалившееся под сервант на первом этаже.

Бросив взгляд на догорающий дом и на занимающийся соседний, Головин направился к следующему.

Дом находился всего метрах в двадцати от каната, натянутого над городом, каменный плющ увил восточный фасад так плотно, что не видно стен. Окон также не видно, можно сказать с гарантией, что растение забралось внутрь. А еще через листья и стебли хорошо видны тонкие серые нити, их было много, часть дома, которая была ближе всего к канату, оплетена, нити продвигались неспешно, но вот уже в следующий за этим дом Мираж лезть бы не рискнул. Тот больше напоминал кокон. Да и здесь не хотелось бы нарваться.

И ведь едва не нарвался. Нить, которая была ближе всего к крыльцу, и пары метров, наверное, не наберется, вдруг неожиданно тускло засветилась и поползла в сторону Головина, не смотри он на нее, мог бы и проморгать.

Павел отступил от двери шага на три, используя длинное крыльцо со столиком и плетеным креслом-качалкой, нить сразу же утратила интерес и оттянулась обратно.

– Эволюция? – озадачился Головин. Ничего подобного на записях не было, лежали себе спокойно на земле, поджидая тех, кто на них наступит, а теперь пищи не хватает, сами стали охотиться.

– Вероятность данной теории – шестьдесят восемь про-

центов, – сухо заявил ИИ, который бессовестно подслушивал мысли Миража, не стесняясь их комментировать, награждая носителя мигренью.

– Вот это я удачно зашел, – глядя на кожаный длинный плащ, висящий на вешалке у двери, обрадовался Павел.

Там же висела шляпа, не что иное, как цилиндр. А рядом в подставке стояла трость, без которой на западе еще сто лет назад мужчины не выходили на улицу. Плащ сел, как родной, длинный, с двумя отворотами, которые тоже можно было отогнуть и полностью закрыть грудь, воротник был слегка высоковат, но все равно в мутном старом ростовом зеркале Головин смотрелся очень внушительно. Правда, все портили босые ноги, торчащие из-под одежды. Но этот вопрос тоже рано или поздно решится.

Расстегнувшись, но не скидывая шмотки, Павел пошел по тускло совещенному коридору. К счастью, нити не успели сюда добраться. Вот в гостиную, которая оказалась справа, лезть ему расхотелось почти мгновенно, хотя на полу валялось тело хозяина, но с люстры свисала бахрама, а на стене, поджидая добычу, рос каменный плющ, заполнивший собой большую часть помещения.

– Точно удачно, – открывая дверь напротив и заходя в небольшую мастерскую, подвел итог Головин.

Пахло кожей, а на полках стояла обувь, много различной обуви. По какой-то причине дом не был разграблен, похоже, сюда вообще не дошли мародеры, видимо, пришли, ко-

гда уже нити проникли в дом и решили, что на хрен нужно.

– Начнем, – вздохнул Головин и пошел искать обувь.

Глава шестая

Головин притопнул каблуком об пол. Что ж, мастер, который тут жил, стачал отличные ботинки, темная прочная кожа, шнуровка, высокие, на толстой подошве с каблуком. Эдакие берцы ручной работы. Единственное, что Головин сделал, это смазал их каким-то кремом, найденным в шкафу. Вообще дом оказался крайне полезным. Мираж оделся полностью, габариты хозяина мало отличались от того, что у него были теперь. На втором этаже нашлись и носки, рубашка, трусы он менять не стал, его были гораздо лучше. Нечто вроде костюма-тройки с жилеткой удлиненным пиджаком и прямыми штанами, все почти новое, темного цвета. К счастью, ни моль, ни вода до одежды не добрались. А еще тут наконец-то нашлись несколько техно-магических устройств, из которых никто не выдрал источник питания. Один оказался в станке, на котором работал мастер, и вот его Павел раскурочил, не щадя, вытащив крупный желтый кристалл, размером в указательный палец взрослого мужчины. Тот был наполовину упрятан в железный чехол, на котором были вырезаны руны. Тщательно отсканированный трофей отправился в сумку. Поскольку мародеры охотятся за ними, значит, это имеет немалую ценность.

– Неизвестный материал искусственного происхожде-

ния, – забубнил ИИ, заставив Головина поморщиться, – огромная энергоемкость, превышает все известные во вселенной батарее подобных размеров. В составе имеется титан, висмут, кварц и еще четыре элемента, которые неизвестны, вероятно, они так же искусственного происхождения. Ценность наивысшая. Все данные задокументированы и будут отправлены немедленно, как сверхважные.

– Замечательно, – подвел итог Головин, пережив очередной приступ головной боли. – Пойдем дальше смотреть.

В доме он проторчал полтора часа. Помимо станка, элемент питания обнаружился в чем-то, напоминающем пылесос, тоже желтый, чуть меньше по размеру. До морозильника добраться было нереально, он весь оплетен плющом, а рядом сразу две серых нити. На третьем этаже нашелся еще один девайс – браслет, в который вставлен фиолетовый осколок, напоминающий азурит, который когда-то Головин видел на выставке камней.

– Титановый браслет, – выдал ИИ. – Кристалл содержит в себе медь, титан и еще шесть неизвестных соединений. Искусственно созданный. Назначение браслета неизвестно. Но большая вероятность, что он использовался для управления каким-то механизмом. Ценность высокая.

– Очень расплывчато, – надевая браслет на руку, хмыкнул Головин, тот был чуть великоват. Он слегка поджал пальцами края, чтобы не болтался, силы у его новой оболочки для такого пустякового действия хватило с лихвой.

Головин оглядел комнату покойного мастера. Книги тут имелись, но снова художественная литература, которая ИИ больше не интересовала. Техническая литература находилась в другом месте, скорее всего, в гостиной, там, среди листы, проглядывали корешки, но лезть за ними было бы самоубийством. Бросив взгляд в зеркало, висящее на шкафу, Головин остался доволен своим новым образом. На голове его теперь вместо утерянной кепки был вполне приличный черный цилиндр, хоть он и подходил к наряду, но совершенно не подходил к ситуации, скинув его на кровать, Павел снова вернулся к образу. Темный кожаный тяжелый плащ почти доставал до щиколоток, костюм, примерно того же оттенка, штаны хлопковые, плотные, на вид крепкие, длинный пиджак до середины бедра, кожаный ремень со стальной массивной пряжкой. Рубашка тоже темная. Жилетка, застегнутая на все пуговицы, темно-рыжие ботинки слегка выбивались, но ничего, не по столице гулять. Еще в доме нашлись перчатки, но сейчас Головин убрал их в сумку. Кстати, сумка тоже была заменена, вместо рыжей, пропахшей маслом и железом, он обзавелся новенькой, найденной на стеллажах. Из мягкой темной кожи, на длинном ремне, с каким-то незнакомым вензелем, который, как сообщил ИИ, был анаграммой из букв «Б» и «Р». Размером она чуть меньше, имела три отделения и два внешних кармана, и была гораздо удобней.

Головин спустился на первый этаж. Большая часть дома оказалась недоступной из-за нитей и плюща. Гараж, в кото-

ром так и остался автомобиль (или как эта хрень тут называлась?), вообще джунгли.

Уже на выходе Мираж скользнул взглядом по зонту и трости. Зонт – штука хорошая, но в данный момент лишняя, а вот трость его заинтересовала. Взяв черную лакированную палку с серебристым набалдашником в виде головы какой-то птицы, он вышел на крыльцо, на всякий случай сразу отступив в сторону от нити, которая тут же начала слабо светиться.

– Трость изготовлена из дерева известного на твоей родной планете как ясень, – тут же начал информировать ИИ. – Девяносто сантиметров в длину, рукоять – серебро, вес набалдашника в виде головы ворона – сто двадцать три грамма, внутри трехгранный стальной клинок, длиной тридцать сантиметров. Данная трость может быть использована как оружие, причем как колющее, так и ударное. По информации, полученной из местных источников, являлось оружием знати, обязательна для ношения офицером. Эта трость изготовлена почти сто пятьдесят лет назад, и была отреставрирована.

Мираж осмотрел набалдашник в виде головы птицы, заметил небольшую защелку и повернул рукоять по часовой стрелке, обнажил клинок. С легким щелчком та тут же выскочила наружу сантиметров на пять, Павел потянул и обнажил тонкий трехгранный клинок с золотистой узорчатой сталью. Исключительно колющее оружие. Оно удобно легло в его руку, как тычковый нож, который он так любил таскать

с собой.

– Мне точно пригодится, – подвел итог Головин и, вернув трость в первоначальное состояние, сунул ее в петлю, которую обнаружил возле кармана плаща. – А мужик-то был продуманным.

Что ж, первый пункт – одеться, он выполнил. Но вот где в мертвом мире найти воду и еду, было для него пока загадкой. Больше на этой стороне города смотреть нечего. Фляги, которые ему пока попадались, были непригодны для использования. Можно, конечно, взять обычную бутылку, но все равно ее нечем наполнить. Играя монетой с помощью телекинеза, Головин направился в обход поселка, дабы выйти к разрыву, где концентрация бахромы, свисающей с серого каната, была минимальной.

– Подойди к пожарищу, требуется проанализировать пепел, оставшийся от каменного плюща.

– Опять, как с плесенью будет? – направляясь к распахнутой настежь калитке, поинтересовался Головин.

– Не будет, – заявил ИИ.

– Ага, зарекалась свинья в грязи не валяться, – пробормотал себе под нос Павел, переступив через какую-то тлеющую доску, которая съехала с крыши, и присел рядом с местом, где еще недавно были заросли плюща. Серая горстка пепла лежала прямо у его ног. Он осторожно опустил руку, касаясь ладью того, что осталось от растения.

– Безопасно, – заверил его ИИ спустя минуту. – Готово,

можно идти дальше, хотя я предложил бы его набрать в какой-нибудь мешочек.

– Зачем? – озадачился Головин.

– То, что остается после сжигания плюща, способно отлично впитывать влагу, не отдавая ее. Поэтому он так любит туманы.

– Фантомы, – догадался Мираж. – Думаешь, они не просто энергия?

– Думаю, можно попробовать при случае. Может быть, произойдет реакция. И так же, как они могут иссушать людей, можно иссушать и их.

Головин задумался, ничего такого у него не было, не собирать же пепел в карман. ИИ пока только раз лажанул с плесенью. Вдруг, и вправду, сработает? Головин огляделся, и его взгляд наткнулся на дом напротив. Там, на кухне, стояла куча пустых небольших баночек, в которых держали крупы, а может, соль или перец, много с земли не собрать, да и дом еще пышет жаром, внутри тлеют доски. И соседний, на который перекидывается огонь, скоро запылает. Нужно торопиться.

Головин быстро перебежал дорогу и, заскочив на кухню, схватил небольшую баночку из толстого стекла грамм на сто с плотной запирающейся крышкой. Она была пустой и валялась на полу на самом виду. Вернувшись, он, кое-как ползая на карачках, собрал так, чтобы пыль прикрывала доньшко. Если сработает, пережигать плющ надо совсем иначе, учти-

вая, какой он горючий, утрамбовал в бочку и кинул спичку. Конечно, не факт, что займется, но тут дело проб и ошибок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.